

277

ОГИЗ • молодая гвардия • 1931

На снимке — М. Уайт, одна из членов делегации безработных, которая пыталась вручить миру Нью-Йорка требование безработных и была за это жестоко избита полицией. Т. Уайт показана здесь в момент, когда ее вытолкнули из здания городского управления на улицу.

не просить, а бороться!

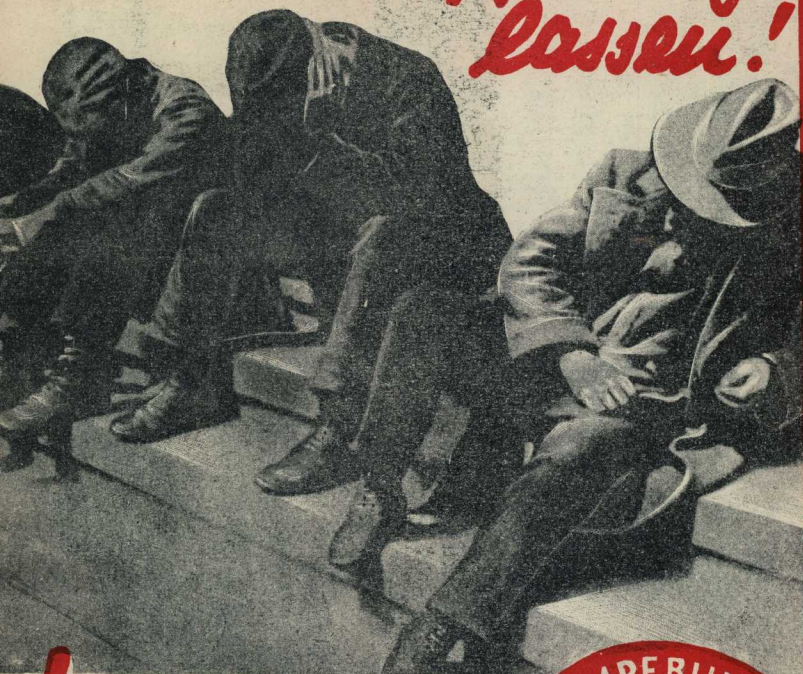

СМЕНА

Erwerbslose!

Nicht den Kopf hängen lassen!

Keine
Stempelstelle
ohne Staffel!

На снимке агитационный плакат коммунистической партии Германии. Он призывает безработных не вешать головы, а выступить на борьбу с капиталистической системой. Справа значок антифашистского союза борьбы.

литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал рабочей молодежи

ОРГАН ЦН и МК ВЛКСМ

Изд. ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ответственный редактор С. КЭМРАД

Зам. отв. редактора В. ЛЕБЕДЕВ

Заведующий редакцией М. ЮНПРОФ

Художники-оформители А. ДРУЖКОВ и Е. МЕНЬГАР

Адрес редакции: Москва, Центр, Б. Чернышевский, 6. т. 5-67-30

Социал-демократия всегда остается верной себе самой: парадные выступления с высокопарными речами, и в то же время отрыв от рабочих масс, нежелание общаться с ними, прямое предательство интересов пролетариата. Итальянский «социалист» д'Арагона, яркую характеристику которого дает Джерманетто, непосредственно переключается с «нашими» мильшевскими, осужденными недавно пролетарским судом.

ДИЖОВАННИ ДЖЕРМАНЕТТО

ШТАНЫ д'Арагона

из романа «Феникеттери»

Милан. Эпоха захвата фабрик Палаццо Марино, дворец миланского муниципалитета. Там в качестве гостя социалистического городского управления собрался Национальный совет социалистической партии, сессия которого была созвана в Турине, но в последний момент перенесена в Милан... потому что в Турине в это время разразилась всеобщая стачка. Понятно! Ведь речь идет о представителях, так сказать, революционной партии итальянского пролетариата.

Итак, дело было в 1920 году. Перерыв во время заседания Национального совета партии. Буфет.

д'Арагона, генеральный секретарь партии Всеобщей конфедерации труда—в окружении партийных китов. Тут же и Серрати. Он в хорошем настроении.

— Расскажи нам историю с твоими штанами,—говорит Серрати.

— Расскажи, расскажи,—раздаются оживленные голоса.

— Был я тогда еще очень молод,—так начал теверинский фашист д'Арагона,—и впервые пробовал выступать на собраниях. Федерация поручила мне выступить с пролаитардской речью в одной деревне к северу от Милана. Можете представить себе, как я был тогда и как волновался. В ночь перед отъездом я почти не спал. Утром группа друзей проводила меня на станцию и я отправился. На мне были прекрасные белые брюки, отлично разглаженные, сверкающие, как снег. Лостриновый пиджак, модный галстук,—словом, я был элгантен.

Будущий спаситель итальянской буржуазии от революции и большевизма говорит не торопясь. Все молчат.

— Сажусь в поезд,—продолжает он, закулив папиросу,—разу-меев, в пустое купе, чтобы в одиночестве обдумать свою речь.

Поезд, громкая, подходит к холмам. Я придвинулся к открытому окну, любозно открывшись видом. И тут вдруг заметил, что заплата себе брюки пыльно и углем. Стад счищать пятно, но оно от этого стало еще больше. Громздное нервое пятно на белых брюках. Надо было что-то предпринять. Крутом винкого. Я снял брюки и смыл пятно в уборной вагона. Вернулся на свое место и вывелся их на солнце. Тут-то и произошла драма: порыв ветра унес мои брюки...

Некоторые смеются.

— Можете себе представить мое положение. Оставалось несколько километров до той станции, куда я ехал. Я знал, что там ждут меня оркестр, депутаты со знаменем, товарищи. А я в кальсонах. Мне было вовсе не смешно.

Рассказчика внимательно слушают. Никто больше не смеется.

— Свисток. Поезд замедляет ход. Я заперся в уборной. Поезд подошел к станции. Музыка играет «Рабочий гимн». Вдоль платформы красные знамена. Все это я вижу из своего убежища. Товарищи бегают от одного вагона к другому. Еще свисток, и поезд трогается... Вскоре мы достигли главной магистрали. Я выхожу, со всех ног бегу в контору начальника станции, рассказываю ему, что случилось со мной. Он мне одожило свои брюки, они были коротки и широки, так как начальник станции был маленьким и толстым, а я высокий и худой. И вот я возвращаюсь в Милан... Мне казалось невозможным выступать в таком виде. Вы знаете, в те времена мы любил выступать перед противниками во всем параде. Теперь мне смешно, но тогда я чувствовал себя очень неважно.

В то время как компания оживленно обсуждает случай со своим вождем, который теперь отпратно служит фашизму, подходит два человека. По виду это рабочие. Они обращаются к д'Арагона.

— Товарищ д'Арагона,—говорит один из них,—мы из Верцуоло, работаем на букажной фабрике Бурго. У нас арестовали нашего секретаря и Федерального секретаря, потому что нам удалось призвать к забастовке почти 50 процентов рабочих. Фабрика Бурго еще ра-ботает. Если нам удастся поднять еще нескольких товарищей, мы снимем и остальных с работы. Буржуазные газеты не смогут выко-дуть. Но нам нужен депутат, которого нельзя арестовать. Поезжай с нами, дело важно.

д'Арагона в замешательстве. А число партийных китов вокруг него уменьшалось сразу малювонку.

— Ведь железные дороги бастуют,—говорит д'Арагона,—и, кроме того, я занят на сессии.

Партийных китов осталось не больше четвертой части.

Что за беда! У нас вину машина. Едем!

— Не могу я оставить сессию. Кроме того, я устал. Да, наконец, я не могу ехать в таком виде. Мне нечего надеть от пыли.

— Мне кажется, там больше важное дело, чем здесь,—сказал Дру-гой рабочий.

Вы ничего не понимаете. То, что вы хотите сделать, это вопрос дней. Прокайте, там уже началось заседание.

Некоторые вреста спустя генеральный секретарь Конфедерации поауцди от своего завода «Фиаге» в Турине, занятого рабочими, при-глашение приехать на собрание.

Депутат д'Арагона, тот самый, который десять лет тому назад подписал акт о создании Красного Интернационала профсоюзов и который теперь с Риголо, Коломбино и другими превратился в фашиста, отказался приехать на «Фиаге».

Лодовико д'Арагона, депутат парламента и генеральный секретарь Конфедерации труда, несомненно боялся как бы не потерять на «Фиаге», занятом рабочими, не только свои штаны, но и кое-что другое.

А еще через несколько дней после этого он спешил в Турин по призыву Джюлиатти, чтобы вместе с итальянскими фаб-рикантами спасти родину от «ужасов» революции.

Феникоттеро

отрывок из новой книги пролетарского писателя Адакио Дьярматто, автора «Двадцать три года»

— Уверю вас, снйор командор¹, что феникоттеро—одна из самых важных должностей в коммунистической партии...

Командор досадливо покачал головой. Стоявший перед ним чиновник итальянской полиции, толстый, душно одетый, волосатый, с подвиглыми усиками и пачкой бумаг подмышкой, замер в почтительной позе.

— Повторю вам, снйор кавалере, что при помощи всех этих феникоттеров, «пейнакко», «шпелле» и тому подобных птиц—из них даже «лигнине» имеется,—коммунисты просто-напросто издеваются над вами.

— Пусть будет, как угодно снйору командору. Я ничего не знаю о «шпалле» и «лигнине», но уверю вас, что «феникоттеро» играет большую роль у коммунистов. Мне не удалось еще точно определить ее, но, без сомнения, я добьюсь этого, и вы увидите тогда, снйор командор, что я действительно достоин уважения и господина министра доверия.

— Это дело будущего...—иронически возразил командор, закуривая папиросу.

Скажите тогда сами, снйор командор, что может значить то, что бы эта птица, например...—И он подавал командору небольшую карточку, на которой было написано: «Воспрещается отправлять корреспонденцию без разрешения феникоттеро».

Последолго довольно длительное молчание. Командор с карточкой в руках казался удивленным, его собеседник торжественно. Конечно,—произнес наконец командор—вы прекрасный чиновник и с весьма тонким чутьем; дохоже на то, что феникоттеро действительно имеет задания особой важности...

Раздался стук в дверь.

— Войдите!—крикнул командор.

Высокий толстый человек средних лет с красным лицом вошел в комнату.

— Мое почтение, снйор командор, здравствуйте, кавалере,—произнес он поспешно склоняясь перед первым и фантасивно кивнув головой второму.

— Вы пришли во-время, маршал!—воскликнули в один голос оба собеседника.

— Что случилось?—встремился вопрошающий.

— Что вы нам скажете об этих «феникоттеро»?

— «Феникоттеро»—«шпалле», «пейнакко»... Мы как раз сегодня рассматривали новый материал для следователи и открыли новые имена: «лигнине», «шпелле», «лигнине» и прочее. Был даже какой-то «клягушка», наверное, кто-нибудь иностранец! Есть от чего потерять голову... Что я думаю о «феникоттеро»? Полагаю, что это должно быть нечто значительное. Другое—это мясо, а вот «феникоттеро»... Право, есть от чего потерять голову!

— Видите, снйор командор, маршал пришел к тому же, что и я имел честь только что изложить вам, а маршал у нас дока...

— Маршал покамест еще больше от этого комплиментар.

Три поговорили еще некоторое время о таинственном «феникоттеро» и затем, отпустив своих подчиненных, командор погрузился в бумаги.

...Феникоттеро! Вице-комиссар общественной охраны, кавалере Томбадо не мог издать из головы этого феникоттеро. Он преследовал его дома, на улице, в кафе... Прохлятая птица прочно угнездилась в его мозгу и не давала покоя.

Снйор кавалере был человек образованный и, не прибегая к помощи словаря, знал, что феникоттеро—южная водяная птица, но это ровно ничего не объясняло ему. Что же скрывалось за этим именем у коммунистов?

— Иногда домашь себе голову над простейшими вещами, которые мы сами усложняем; уверен, что Витториньо укажет мне ключ

к этой загадке!—решил он в один прекрасный день, откутившись у порога своей квартиры.

Витториньо был единственным (жалованье не позволяло расширить семью) сыном чета Томбадо, гениальным мальчишкой, по словам родителей.

Кавалере исполнил анекдот с римским папой, который однажды получил послание, составленное таким образом:

«О, наместник истинного Бога!

О, заместитель святого Петра!

610.»

Папа долго раздумывал, ведь значением цифр читал и пересчитывал написанное, но никак не мог добраться до смысла таинственного послания.

Многие кардиналы и монахиворы тоже напрасно искали загадку, пока не нашел ее один маленький семинаристик.

Вместе с прочими буржуйскими вывески он в Ватикан, чтобы приложиться к папскому туфлу и папа, бучуши в веселом расположении духа, обратился к нему и велел прочесть таинственное послание.

Всповетий от страха семинаристик начал:

«О, наместник истинного Бога!

О, заместитель святого Петра!»

и, замкнувшись, смолк: он не умел еще читать греческих чисел. И так как папа его пошукал, будущий по прочеде цифры доразъяснил:

«Шесть—один—нуль...»

Разгадка была найдена.

Улыбаясь своей мыслью, кавалере вошел в дом. Жена его ссорилась с пригоркой многообещающей отращивать волосы с кошкой. Что такое «феникоттеро»?—обратился к нему отец.

— «Феникоттеро»?—повторил Витториньо, не отрываясь от кошки,—а это такая водяная птица с очень длинными ногами и красными крыльями.

Кавалере хлопнула веко по губу:

И так и думал: длинные ноги и красные крылья—курер, конечно, курер! И символический красный цвет... Я ведь говорил, что это просто!

И, быстро обернувшись к подошедшей к нему жене, кавалере выйдл из ее рук любимую сувою папку.

— Дурак неуловкой, крети!—оборудился на него лежанка половина.

— Не сердись, любовь моя,—весею утешал ее супруг,—наш Витториньо помог мне сейчас сделать открытие, которое очень поможет мне в моей карьерке. Увидишь, я скоро получу повышение и награждение, тогда куплю себе новую квартиру! Пусть все ходя. Я вам скажу все, ничего не утаивая. Если вы в состоянии пойти на все это—охорошо; если нет, скажите это так же откровенно, как говорю и с вами.

Говоривший, худой человек лет под тридцать, в круглых черепках глазах, смолк и нервным движением закурил папиросу. Из группы молодежи, внимательно слушавшей товарища из Исполнительного комитета коммунистической партии, выдвинулся блондин с нежными чертами тонкого юношеского лица и просто сказал:

— Ну, что ж! Я готов работать.

Остальные товарищи хором подтвердили его слова.

— Ладно. Вижу, что партия не ошиблась в выборе. Теперь, товарищи, к делу: реакция не дает нам много времени на подготовку. И он начал подробно инструктировать молодых товарищей.

Дело происходило в 1921 г., в самый разгар усиленной работы коммунистической партии Италии, возникшей после знаменитого раскола социалистической партии.

Молодой компартии с первых же дней своего существования пришлось вступить в борьбу не только с реакцией, но и с недобрыми своими товарищами. Нужно было организовать на ходу, под двойным обстрелом, когда особенно трудно поддерживать связь между разбросанными ячейками организации.

— Вы должны иметь сильные ноги и широкие крылья, товарищи, как... как, ну, у феникоттеро, например, но мудрость и осторожность большую, чем у этой птицы. Арестованные, вы не должны говорить ни с кем об организации: позиции и шпиксы в тюрьме не мало, провокаторов посылат в самую вонючую камеру. Полиция прибегает к всевозможному ухищрению, чтобы выпытать у заключенного все, что ей надо, особенно если он уже начал «говорить». Поэтому молчите.

Вас будут убеждать: «напрасно вы отказываете сообщить нам то, что мы уже и так знаем, ваш товарищ такой-то уже рассказал нам все». Отрицайте все; из очных ставок, из допроса, в «частном разговоре». Не думайте, что вы сумеете «перехитрить» полицию, навести ее на ложный след. Отрицайте все! Вас будут угрожать, попытаются пугнуть вас пыткой. Товарищи, помните, что фашисты способны на все: они могут действительно под вернуть вас!

Пытки.

Товарищ из исполкома вынул папиросу изо рта и внимательно обвел острым взглядом молодых феникоттеро, готовящихся к полету. Ни один из феникоттеро не дрогнул, и глаза его засветились глубокой нежностью.

¹ Феникоттеро—фавинго, птица.

² В Италии в настоящее время издаются ересьники, дающими титул кавалера или командора.

³ Шесть—один—нуль» по-гречески обозначает также «ты одно ничтожество».

Специальное присутствие Верховного суда

интервенционал штрейкбрехеров ПОД СУДОМ

Н. О—В

Меньшевики еще по-привычке именуют себя РСДРП. Но все четыре первые буквы утратили всякий смысл. Российская?

Какое право имеют несколько десятков записных джестов, осевших в Бразилию на хвостах у Цергибелей; на это громкое наименование? Вразе только потому, что одновременно в нескольких московских кварталах высококавалитизированные предтеги деятельно разрабатывали план, как снова обратить СССР в капиталистическую Россию? Меньшевики—российская партия только в одном смысле: они за старую Россию, за российский прожорливый и свирепый капитализм, пожалуй даже, судя по умилительно единственному «сторгабром», увенчаный царским престолом. Республика отнюдь не вписана в катехизис меньшевизма. Вандервальде был верным королевским министром, а Эберт, патриарх социал-демократической лжи и предательства, уже в водворотере германской революции пытался бросить спасательные круги монархии.

Буква «С» поддежит расшифровке, как признак принадлежности меньшевиков к... социалистам. Очевидно, поспеку они, под предлогом «облагенения родовых мук историей», пытались распахнуть ворота Советского союза для интервенции Штыки французских и английских солдат должны были стать орудием меньшевистского «социализма». Этот «социализм» можно наблюдать в Германии, Англии, Индо-Китае, где почтенный социалист Барени умозотворял огнем и железом «некультурных» туземцев,—везде, где на руле государственной машины лежала или лежит рука социал-демократии. Меньшевистский «социализм»—самая оголтелая защита капитализма во всех его гнуснейших проявлениях. Недаром тот же Ф. Эберт в интимной беседе с немецким принцем сознавался, что «ненавидит социалистическую революцию, как грех». Набожные меньшевики ненавидят социализм не меньше Эберта.

Но «Д» вразе не остается?

Вразе меньшевики не демократы?

Вразе не при прямой поддержке меньшевиков Керенский громил большевистские газеты хвалит большевиков и рассылал нищек по лицам Ленина «стремясь обезглавить мартовое движение рабочих и

крестьян? Вразе не они на симферопольском совещании «во имя демократии» рупкилесады погромным подвигам «добровольческой» Денинскиной армии? Вразе не они, утвердившись на время в Грузии, под охраной империалистических штыков бросали в тюрьму любого заподозренного в большевизме? Вразе Цергибелей, после того как обгарил свои руки кровью рабочих, перестал быть социал-демократом?

Нет, пожалуй, на звание «демократов», рыцарей свободы капиталистического грабежа и свободы голодной смерти для рабочих, на почтенный диплом демократических палачей рабочего класса меньшевики имеют право.

«Рабочая» партия меньшевиков, по признанию самих заправил подпольной меньшевистской работы в СССР, не смогла создать ни одной рабочей группы. Отсюда—открытое решение: взять курс на кулачество, на вычищенных из совпаратов, на городскую мелкую буржуазию. У меньшевиков хватало смысла догадаться, что даже с помощью самого бессовестного вранья нельзя прельстить советских рабочих перспективами интервенции и возвращения господ Рабушинских.

Даже слово «партия» кажется не совсем уместным.

Багда, шайя,—вот более точное определение той почтенной организации, пребывая в которой меньшевистские наемники капитализма состязались с Раизинными и Кондратьевыми в подготовке кристового похода на страну стряпчегого социализма.

Жалкий исторический итог меньшевизма не мешает, однако, судящим на самые подудамым агентам интервенции делать что-то о своем «революционном прошлом». С такой же успехом о «революционном прошлом» могут говорить кадеты, имевшие также немало судебных тяжб с царизмом.

Но достаточно вспомнить в контурги исторического развития меньшевизма, чтобы увидеть, что прошлое меньшевиков—прошлое штрейкбрехеров революции.

Меньшевики ведут свое летоисчисление с той поры, когда Мартов и К^о потребовали от партии, тогда еще объединившей под своей кроной и большевиков и меньшевиков, предоставить право именоваться членом партии любому гимназисту или адвояту, оказывающему те или иные услуги организации. Это была первая попытка разоружить пролетариат, лишить его революционных аспектов классовой партии.

Потом начинается кошачий концерт по поводу борьбы за дисциплину, за единство в партии. На Ленина ополчаются все меньшевики, от Троцкого до Плеханова. Меньшевики изо всех сил стараются задержать, приостановить кладку фундамента пролетарской партии. Гривуда бури 1905 года, и меньшевики асически тащат рабочих в объятия кадетов. Вооруженное восстание? Даже такой меньшевик, как Плеханов, не нашел иных слов для оценки германской борьбы рабочих, кроме постылой фразы: «Не надо было бороться за оружие».

Свидья подсудимых

Годы реакции,—и рождается любимое дитя меньшевизма «ликвидаторство». «Ликвидировать подполье»—волят меньшевики. Жить и работать по закону в профсоюзах, в больничных кассах, под опекой пристава и господ капиталистов.

Раздался взрыв мировой войны. Депутаты-большевики были отправлены в Сибирь за протест против кровавой мясорубки. Депутаты-меньшевики остались на своих покойных местах. Они разбегаются по Кавказу с попами и полицейскими, уговаривая крестьян и рабочих не падать своих жизней ради «отчества». Они заседают с миллионерами в воинских промышленных комитетах. Русские меньшевики оказываются достойными коллегами французских, немецких, английских и прочих социал-предателей.

Это то «революционное прошлое», на которое виновато кивают Шеры и Громаны?

Или Шер вспоминает годы ожесточенной борьбы меньшевиков с советской властью? Не о «тесясах» ли гражданин Шера сказал Ленину в свое время: «Эти тесясы таковы, что надо было бы выгравирировать их на доске, повесить во всяком волостном исполкоме и подписать: «Сие есть котлачковец?»

Не господин ли Гарви обвинял в предательстве французских социалистов, отмежеввавшихся от интервенции? С пенью у рта этот меньшевик-денинчик бубнил на страницах своей газеты о том, что поддаться большевикам можно лишь при помощи иностранного оружия. Самарские меньшевики зывали к рабочим: «С оружием в руках выступайте против большевиков». Казанские им вторили. Сибирские зывали вокруг Козлова, оседая в его министерствах. Боролись против интервенции... резолюциями только московские меньшевики, пытавшиеся хотя бы этими лживыми заверениями сохранить остатки влияния среди рабочих.

Выброшенные за границу Даны и Абрамовичи из года в год вели грязную травлю Советского союза. Ни один из продажных бульварных листов не может сравниться с меньшевистским «Социал-демократическим вестником» по обилию злобной клеветы. Даны и Абрамовичи брали под свою защиту Рамзинных. Они рупорщали всякой пошлости навести удар Советам. А когда их доверенных агентов на крыльях и подчинных, контрреволюционеров самого бешеного толка пожелали сличить в образе белоснежных голубков.

«Мы за интервенцию? Ложь! Сам Вандервельде подтверждает, что меньшевик Суханов, Громан и Шер—члены «союзного бюро» меньшевистского Пустяки. Там совсем другой бюрократический аппарат за счет субсидий германских социал-демократов? Посмотрите в отчеты, там не числится ни одной марки из немецкой кассы.— «Хотите присягнуть?»—уздечает Абрамович. И присягает в буржуазном суде, что никогда с 1920 года не был в СССР.

Разве можно не доверять меньшевистской присяге?

Эти наглые оправдания могут возбудить только отвращение. Даже подсудимые с омерзением отозвались об этих попытках Данов и Абрамовичей скрыть соучастие II Интернационала во вредительстве и подготовке интервенции.

А обвиняемые—не новички во лжи и лицемерии.

Громан заседал в Госпране. Там он амелирировал к науке, указав перстом на Маркса. Составленные им котловатные образы зияли угрозами. Крылья потухали, как фтиль в лампе с израсходованным керосином. Так повелевала наука... наука, содержавшаяся в директивах заграничного меньшевистского центра. Н. Суханов, известный объявитель от меньшевизма, днем также расписался в верности Советам, а вечером в своем «салоне» заседал как идеолог интервенции. Гинзбург—создавал вредительское гнездо в ВСНХ. Петункин подвизался вкупе с кадетом Некрасовым на этом поприще в Центросоюзе. Шер—в Госбанке, Залкина—в Наркомторге, Рубин—вредительство-вал в теории, забывая головы студентов идеалистическими извращениями марксизма Лицмерие, ложь сопутствовали каждому шагу меньшевистских Тартфотов. Но и их поразила жоунгерская легкость, с которой попятались Даны и Абрамовичи совершить свое самообезличение.

II Интернационал пытается замести следы, чтобы скрыть свои тягчайшие преступления от рабочих масс. С «инкультуриными» рабочими нельзя разговаривать слишком откровенно о таких деликатных вещах, как интервенция и вредительство.

Но документы, свидетельства подсудимых, все факты неопровержимо изобличают международную социал-демократию в кровавом заговоре против Советского союза.

На самые подсудимых только четырнадцать человек. Не только Даны и Абрамовичи, изобличенные как непосредственные соучастники меньшевистско-интервенционистского заговора, но и Гильфердинг, Бауэры, Блюмы, Вандервельде, уполномочившие Данов и сильно снабжавшие их претеренным металлом, проходив на процессе как грязные и не имеющие права на снисхождение преступники.

Партия штрейкбрехеров вписала в свой послужной список еще одну позорную страницу. Еще одну страницу собачьей верности буржуазии и звериной злобы к социализму. Одну из последних страниц. Ибо дни социал-демократии уже сочтены. Она еще может формовать революцию, но она уже не в силах обманом и клеветой, заставить миллионы рабочих взвалить на себя бремя войны во имя интересов капитализма, войны против страны социализма. Оттого-то так визжат накрытые с поличным интервенции. Оттого они хотят изобразить себя невинными жертвами оговоров ПТУ. Жалкие речи Жалкие позор!

История уже наложила канювою печать на низкие лбы социал-фашистов. Теперь это позорное клеймо становится таким отчетливым, что и слепые его смогут увидеть.

завершим

дело Коммунаров

М. АХМАНОВ

— Измена! Измена! —

С этим криком спускался с холма на Монмартре высокая женщина в развевающемся мантилье, под которой виднелся карабин. Она бегом и наблюдательному комитету, подымая своей тревогой население предместья.

Несколько минут тому назад она разразилась своею бешеной перепалкой раненых несчастного Турзина, пораженного пулей на своем посту. Нахождение в предместьском полукраме было неожиданным, весь караул вынужден был стрелять.

И теперь наверху правительственные войска, выполняя дьявольское приказание маленького чудовища Тьера, пытаются увести захваченные орудия.

Выстрелы, барабанный бой и крики Луизы Мишель (это была она, прозванная «брасом декой») разбудили предместье. Все неслось к месту, где находилась артиллерия революционных парижан, построенная на собранные ими деньги во время осады Парижа прусскими войсками.

Когда «правительство национальной измены» стало позорно частью столицы Франции на милость пруссаков, заключено покорабней в истории мир, Национальная гвардия спасла от плена брошенные правительством пушки.

Они были вывезены в предместья Парижа, на высоты Монмартра, где находились под защитой наблюдательного комитета. И теперь отдали их вероломному Тьеру! Ни за что!

Войска генерала Леконта, овладевшие артиллерийским парком, не успели еще спустить орудия вниз: задержались ожидавшиеся артиллеристы и кони.

Еще немного, и начнется кровопролитное сражение между отрядами Национальной гвардии и солдатами. Но парижские женщины, работницы и домохозяйки, многие с детьми на руках, бросаются между гвардейцами и войсками Тьера, хватают последних за руки, за руки, умоляя их не стрелять в своих отцов и братьев. Женщины кидались на митральезы и пушки, загораживая своими телами дорогу.

Солдаты батальона Тьера полка слышат уже вторичную команду генерала Леконта: «Открыть огонь».

Но смятение и растерянность царит в их рядах. Они остаются неподвижны. В ответ на повторное приказание генерала, унтер-офицер Вердугер кричит громче Леконта: «Стреляйте вперед».

Солдаты повиновались.

Началась неопределенная Гвардейцы обнимались с солдатами, женщины шепотом тех и других, плача от радости. Революция совершилась.

Народный гнев обрушился на двух захваченных в это утро наиболее ненавидимых Парижу генералов: Клемана Тома и Леконта.

Несмотря на попытки Национальной гвардии сохранить их под арестом, толпа требовала немедленного народного суда над обоими палачами революции. Их вытащили из дома на улице Розье, где содержались арестованные, и расстреляли во дворе за палисадником.

Это были почти единственные человеческие потери правительства в это роковое для него утро. Тем не менее Тьер, «карлик», являя исподвольную власть во Франции, поспешил воспользоваться случившимся, чтобы опорочить перед всем буржуазным миром восставших парижан, как «банду убийц и смутьянов». Но напрасно оказались призывы правительства к «благонравным гражданам» отмежеваться от «преступных элементов и оказать всемерное содействие власти».

Не только Париж рабочих и работниц, но и Париж хулиганов, мелких лавочников и квартирхоузов был настроен против правительства Тьера, избранного бордосским «деревенским» Национальным собранием и слепо выполняющего волю крупной буржуазии и помещиков Франции.

Революционная стихия была развязана. Всякое сопротивление правительственным войскам с революционным населением Парижа грозило дальнейшим разложением среди солдат. Несмотря на свою самоуверенность и непопущенность, «карлик» ушел это обстоятельство и принял быстрое решение: эвакуировать войска и правительство в королевский Версаль.

Пока Тьер со всей своей правительственной камарильей поспешно улетывал из Парижа, революция там все более разрасталась. Отряды Национальной гвардии захватывали под руководством отдельных членов Национального комитета один правительственные здания за другим.

К 11 часам вечера, когда Тьер и его войска уже были перед воротами версальского дворца, собралась в городской ратуше десятка два члена Национального комитета, чтобы осудить создавшееся положение. Столица Франции оказалась без власти. Революционный Париж не был подготовлен к столь неожиданной бегстве и полной победе.

Совещание в ратуше решило сохранить власть за Национальным комитетом впредь до немедленного всенародного избрания Коммуны.

Предложение Дювалье, одного из наиболее ревнительных и предусмотрительных членов Центрального комитета, войти немедленно на Версаль, разгромить правительство и потом заняться делом организации Коммуны — было отклонено. Великая же была «демократическая» иллюзия среди вождей парижского пролетариата.

На утро 19 марта над зданием городской ратуши явилось красное знамя. Так шестидесят лет тому назад возникла Парижская коммуна.

Восставший Париж, занявшись выборами в Коммуну, упустил драгоценный момент похода на Версаль, когда он мог без особого труда раздаться с Тьером, разгромить гадюку контрреволюции, закрепить плоды победы 18 марта, обеспечить поддержку Парижа со стороны провинции и привыкнуть за строительство новой революционной Франции.

28 марта в 4 часа пополудни перед зданием городской ратуши при восторженных криках двухсоттысячной толпы и при пущенных салютах была провозглашена Коммуна и объявлен состав избранных в нее членов.

Париж снова переживал праздничные настроения 18 марта. Но вскоре наступили трудные дни бесперывной борьбы Парижа с Версалем.

Центральный комитет Национальной гвардии не оказался в нужном моменте достаточно решительным для выступления против Версаля, обладав армией в 10 раз больше, чем Тьер. Это была страшная ошибка революции. Но в области социально-экономической деятельности Центральный комитет проявил больше энергии.

Не понимая пролетарского характера совершившейся 18 марта революции, Центральный комитет принял все не несколько декретов, перелагавших тягости войны на крупную буржуазию. Им были приостановлены платежи по векселям и другим обязательствам, исполнение которых было особенно тягостно для мелкой и средней буржуазии, было запрещено выселять жильцов, т. е. преимущественно городскую бедноту, за неясное квартирной платы и, наконец, приостановлена продажа заложных в ломбарде вещей, принадлежавших также, главным образом, мелкому люду. Однако, Центральный комитет не решился поспугнуть на гвазную крепость буржуазии — на Французский банк.

За все время существования Коммуны банк отпустил ей около 17 миллионов франков. Сколько лишних жертв могло быть предотвращено, какое оружие вывела бы Коммуна из рук противника, если бы она так же решительно овладела банком, как и другими правительственными учреждениями! Вместо этого, Коммуна назначила обременительного, но избранного Банком своего делегата в банк, поручив ему охранять национальные сокровища Франции.

Вожди парижского восстания находились под влиянием казавшихся им убедительными доводов Бэля и Журда, что в случае насильственного захвата банка — будет подорвана кредитная система во Франции.

— Если мы зайдем банк Национальной гвардией, — заявил Бэль, — то мы можем завладеть металлическим фондом. Если взять его, то и Коммуны и парижского населения останутся лишь обеспеченные билетами, простые трупы, за которые нельзя будет купить у буржуачины на 4 су!

Коммунары спасали «кредит Парижа», как писал впоследствии Паскаль Грусса Журду в то время, когда речь шла о споспешении самого Парижа.

Этот политический урок Коммуны учла партия большевиков в Октябрьские дни 1917 года. Государственный банк занимал центральное место в плане подготовки восстания и был занят отрядом Военно-революционного комитета в первые же часы начавшегося переворота. Такую же директиву о захвате банков в провинции давала наша партия местным организациям.

Чем же была Парижская коммуна? Почему международный пролетариат считал ее падением и считал для самих яриков в преддверии истории борьбы за освобождение человечества? В своем октябрьском отчету Маркса Генеральному совету И Интернационала о Парижской коммуне, известном под названием «Гражданская война во Франции», Энгельс пишет:

«Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура? Посмотрите на Парижскую коммуны. Это была диктатура пролетариата».

Да, несмотря на ряд грубейших ошибок, допущенных Коммуной, двухмесячный период ее существования был периодом господства рабочего класса. Впервые в истории человечества у власти стали никому неизвестные люди.

«В правительстве не было ни одного члена правящих классов» — справедливо подчеркивает этот факт в своих воспоминаниях Артур Ариу, один из успешнейших вождей Коммуны.

Старые традиции были разрушены. Если революционный Париж до прежде расчищал своим путем дорогу к власти буржуазии, то после 18 марта он оставил за собой завоеванные права. В первый раз парижский пролетариат сознательно противопоставил свои интересы и задачи интересам и задачам господствующих эксплуататорских классов.

«Не заблуждайтесь, работники. Это — великая борьба, бороться между собой паразитизм и труд, эксплуатация и производство богатств».

говорит Центральный комитет в своей программной прокламации от 15 апреля.

Сложившаяся во времена империи государственная бюрократическо-военная машина управления Францией была не только захвачена коммунами. Ее пришлось сломать и построить новую государственную машину, отвечающую интересам пролетариата.

Для этого Коммуна уничтожила постоянное войско, заменив его Национальной гвардией, в рядах которой должны находиться все способные к военной службе граждане. Коммуна создает органы власти и суда из выбранных и сменяемых лиц, устанавливая им жалованье в размере заработка рабочего, чтобы «высшие общественные должности не служили предметом вымогательства и не раздвалились в виде милости» (декрет Коммуны).

Коммуна создает не только «дешевое правительство», но ставит на руководящих постах рабочих и преданных революции интеллигентов. Одновременно Коммуна доделывает работу буржуазной революции, проводя отделение церкви от государства и от школы, устанавливая полную «свободу совести».

Богатый опыт Коммуны позволял Марксу и Энгельсу внести единственную поправку к написанному ими «Коммунистическому манифесту».

Коммуна доказала, — пишут они, — что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для собственных целей.

Вывод — машину нужно сломать и построить новую. Этот основной урок Парижской коммуны целиком усвоила Октябрьская революция, закрепив возникшие Советы как органы пролетарской власти.

Социально-экономические декреты Коммуны о воспрещении ночного труда в бумажных, о передаче поквитных хозяевами мастерских кооперативным ассоциациям рабочих, о возврате заложных в ломбарде вещей и другие — не затрагивали интересов частного капитала, хотя они и были направлены к облегчению материального положения трудящихся и мелкой буржуазии Парижа.

Коммуна, решительно равная пути старой буржуазной государственности, не была еще подготовлена для столь же решительных атак на институт частной собственности.

Но если на одном из заседаний Коммуны Жаннар потребовал конфискации имущества Северной железной дороги лишь в порядке карательной меры в случае невозможности нормального железнодорожного движения, то в дальнейшем Коммуна, безусловно, стала бы на путь национализации крупных частных предприятий. Пока она ограничилась установлением государственного контроля над эксплуатацией железных дорог.

Опыт нашей революции показал, что национализация промышленности не является легким делом, особенно в первые месяцы Парижской коммуны, руководимой людьми различных политических взглядов.

Недостаточно высокое развитие производительных сил во Франции сказалось на составе парижского пролетариата и его вождей. В самом Париже из полумилионной рабочей массы было всего 50 000 индустриальных рабочих. Остальные были заняты в мелких кустарных мастерских, работающих преимущественно на удовлетворение «потребительских нужд» буржуазии Франции и всего мира.

Поэтому среди парижского пролетариата имели влияние лрудности, находившиеся во власти мелко-буржуазных утолий, мечтавшие освободить пролетариат от эксплуатации господствующих классов не путем политической борьбы, но посредством кооперирования наемных рабочих в самостоятельных производителей при сохранении института частной собственности.

Только стихийное развитие революционных событий и непосредственное давление масс снизу заставило этих поборников «мирного освобождения пролетариата проводить революционную политику Коммуны.

Другой влиятельной партией в Париже были блианкисты, состоявшие преимущественно из революционной интеллигенции, центральным пунктом учения которых был вооруженный захват власти и диктатуры. Не занимаясь особенно социально-экономическими вопросами, будучи ярыми сторонниками политической борьбы, блианкисты представляли себе эту борьбу как организацию заговоров для решительного захвата власти. Блианкисты не понимали задачи воспитания и подготовки масс для политической борьбы, а рассчитывали, исключительно на хорошо сколоченные небольшие группы заговорщиков.

Наконец, в составе самой Коммуны значительное большинство составляли «чистые республиканцы» или якобинцы, считавшие себя последователями якобинцев Великой французской революции 1789 г. Далекие от социалистических идей, последовательные демократы, якобинцы стремились добиться политического преобразования низших классов «народа», не понимая особого, пролетарского характера революционного переворота 18 марта.

Такая вестрога политических партий с их внутренними группировками и течениями показывает, что Коммуне для успешного проведения вышавших на ее долю исторических задач социальной революции не хватало единой пролетарской партии, вооруженной научным марксизмом. Влияние идей Маркса было во Франции в те годы еще весьма ограниченным.

С тем более приходится удивляться тому, что парижане не только «штормовали» небо, но и провели ряд социальных мероприятий, имеющих всемирное историческое значение и вызвавших необходимость дополнить «Коммунистический манифест».

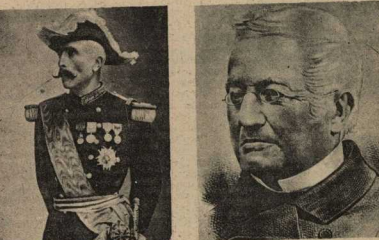
Борьба различных фракций в Коммуне, особенно усилившаяся во время начавшей Версальской осады Парижа, привела к обострению взаимоотношений между якобинско-блианкистским «большинством» и лруднистско-бакунистским «меньшинством».

Женщины-бойцы армии Парижской коммуны

Жандармерия Парижской коммуны

Генерал Галликс

Глава версальского правительства, Тьер

Напряженное военное положение поставило перед Коммуной вопрос о реорганизации исполнительной власти. Власти должна была принимать быстрые и энергичные меры для подавления контрреволюционных и шпionских организаций внутри Коммуны и для укрепления обороноспособности Парижа.

«Большинство», склоняясь к диктатуре и террору, предлагало создать Комитет общественного спасения, а «меньшинство», стоя на точке формальной демократии и легальности, резко высказывалось против «воскрешения традиций 1793 года».

После избрания Комитета общественного спасения борьба фракций только более обострилась и привела к уходу «меньшинства» из состава Коммуны. Положение Коммуны к тому времени было уже почти безнадежно.

2 апреля Париж, надеясь избежать кровопролития гражданской войны, был разбужен первыми пушечными выстрелами версальцев, начавших осаду Коммуны. Вылазка Тьера, успешного захватившего Курбеву, была к вечеру отбита. Коммуна решила тогда выступить, наконец, против Версаля.

Наутро 3 апреля армии Коммуны под руководством первых рабочих генералов Флиранса, Довэля и Эда двинулись на Версаль. Но предательство команданта форта Мон-Валерьяна, отдавшего этот военный стратегический пункт в руки Тьера, привело к катастрофе. Неожиданный ураганный огонь с форта усеял землю трупами федералистов.

Командантом Парижа был назначен польский революционер Домбровский, геройски защищавший Коммуну, осаждавшую Версальцами со всех сторон, кроме северной. Боевые действия версальцев становились все энергичнее.

Среди защитников Парижской коммуны было много иностранцев, как братья Врублевские, Домбровский, Дмитриевы и другие. Но и версальцы получали поддержку у иностранной буржуазии. Бисмарк, воздвиг монархической Германии, нашел общий язык с Тьером, своим недавним врагом, и вернул в его распоряжение захваченных в плен во время франко-прусской войны французских солдат. Эти новые подкрепления значительно усилили армию Версаля. Конец апреля и начало мая прошли в бесконечных стычках между коммунарами и версальцами.

После многократных боев за форты Исси и Неви, превращенных артиллерией в сплошные развалины, версальцы 21 мая ворвались в Париж через разрушенные и никем не охранявшиеся ворота Сен-Клу. Один из шпионов Тьера, наводивших Париж, некий морской офицер Дюкатель указал солдатам на свободный доступ к этим воротам. Дюкатель получил впоследствии орден почетного легиона и 120.000 франков, собранных для него по подписке благодарной буржуазией.

Коммунары не успели возвести в самом Париже второй линии укреплений. Дальнейшее наступление версальцев не было поэтому приостановлено.

Проникновение в Париж до 50.000 версальцев, захвативших уже пятую часть столицы, вызвало еще большее разложение среди коммунаров. К тому же, военный делегат Коммуны, старый якобинец Дедеклюз, выпустил прокламацию, направленную против военного искусства и дисциплины.

— Довольно милитаризма, — пишет Дедеклюз, — довольно с нас обшитых гадунами генеральных штабов. Дорогу борцам с голыми руками!..

Личная безумная храбрость Дедеклюза, находившегося все время впереди своих бойцов и погибшего на виду у неприятеля, не могла приостановить приближающейся гибели Коммуны. Лучшие люди Коммуны погибали смертью героев. Жители и даже дети занимались укреплением и защитой последних баррикад, подносили пищу федералистам, заряжали ружья и сами стреляли в наступающего неприятеля.

В течение недели, с 21-го до 28 мая, продолжались ожесточенные бои в самом Париже. Последними пали высоты пролетарского Белвилля и Шомона и кладбище Пер-Ланше.

Сейчас, когда пишутся эти строки, в Колонном зале дома Союзов в Москве пролетариат Советского союза судит осколки контрреволюционной меньшевистской организации, разбитой и изгнанной больше десяти лет тому назад из пределов страны диктатурой пролетариата.

Суд разоблачил истинное лицо этих привокзетной буржуазии, готовившихся вместе с кулацкой партией Кондратьевых и Чаяновых, в союзе с вредителями Рамзными, восстановить власть капитала и помещиков в СССР. Социал-вредители и социал-интервенты, выполняя заказ международного империализма, собирались повторить путем внедрения опыта Тьера, разгромившего Парижскую коммуны и потопившего в крови 30.000 лучших пролетариев, стоявшего на французской каторге в Каенне и Новой Каледонии до 70.000 преданных борцов за дело пролетариата.

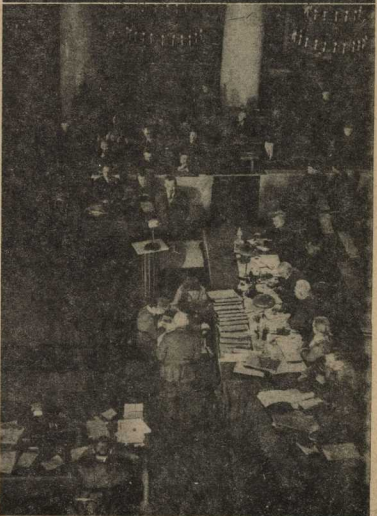
Но коммунистическая партия большевиков знает опыт Парижской коммуны. Она с первых же дней своей победы избежала ошибок Коммуны. Она не провала изменившего «великодушия» к врагам, она не боится применения красного террора по отношению к буржуазии. Крепкие связи с широкими массами рабочего класса и крестьянства и международным пролетариатом, твердое и выдержанное ленинское руководство единой и единственной пролетарской партии и общий рост производительных сил обеспечили не только победу пролетарской революции в России, но и построение социализма в Советском союзе.

Через шестьдесят лет после падения Парижской коммуны продолжателем ее великого дела — Советский союз — вступил уже в период социализма, указывая путь всему человечеству.

на процессе

Меньшевик-интервентов

Вяжу — прокурор Республики И. Крылатко
Вяжу — обобщ. вид суду

... НА ПАРИЖ ОБРАЩЕНЫ ВЗОРЫ ВСЕГО ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА И ВСЕХ, КТО ЕЩЕ ХРАНИТ В СВОЕЙ ДУШЕ ЛЮБОВЬ И СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТИ. И ЕСЛИ ПАРИЖ В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ДАЖЕ ПОДАВЛЕН, ТО Я НАПОМИНАЮ ВАМ, ЧТО БОРЬБА ПАРИЖА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ТОЛЬКО МАЛЕНЬКУЮ ПРЕДВАРИТЕЛЬНУЮ СТЫЧКУ, ЧТО ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ НАМ В ЕВРОПЕ И ЧТО НЕ ПРОЙДЕТ И НЕСКОЛЬКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ, КАК БОЕВОЙ ЧЛИЧ ПАРИЖСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА БУДЕТ ОСУЩЕСТВЛЕН*.

АВГУСТ БЕБЕЛЬ

Из речи в германском рейхстаге. (Май 1871 г.)

торговцы человеческой кровью

ЯГО

— Я не могу уйти, он выкупил меня. Если я уйду, меня арестуют за бродяжничество, посадят в тюрьму и опять купит меня. Вот у и терпело, и старался отработать срок...
Обследовав Либерия было произведено по настоянию Англии, которой очень невыгодно, чтобы Файерстон, конкурент по добыче каучука, имел дешевую рабочую силу.

Но в области применения принудительного труда Англия не отстаёт от Соединённых Штатов.

В английской колонии в Южной Америке, в Британской Гвиане, половина жителей составляют индейцы. Эти индейцы были привезены в Гвиану приблизительно таким же образом, как либерийцы попадали в Фернандо Поо или французское Конго. Для индейцев существует особый карточка, без которой предприниматель не примет его на работу. Индеец не может выбирать работу. Он едет туда, куда ему приказано, и выполняет ту работу, которую приказано. Права свободного передвижения он не имеет. За уход с работы краснокоржего раба сажают в тюрьму.

Не лучше обстоит дело и в Кении, английской колонии на Восточно-африканском побережье Индийского океана. «Я видел в Кении», — пишет английский писатель Оуэн, — «то, чего и никогда не видел в Африке: великую массу людей, привязанных веревкой за шею, для работы к частным предпринимателям». Оуэн рассказывает, что, в случае нехватки мужчин, на эту работу берут женщин и детей. Побой и порка — обычное явление.

Метрополитан заведует колониям. Королевская комиссия по «борьбе с безработицей» также занимается вопросом. Целью заставить безработных идти на работу на любых условиях. Мерой воздействия предостерегается угроза лишения пособия.

То, что Англия собирается только сделать, Германия, оказываясь, уже практикует. Многие биржи труда в Рейнской области под угрозой лишения пособия заставляют рабочих ехать на работу в Германию. Работа эти делаются на крайние тяжёлые условия. Коммунистическая газета «Арbeiter Zeitung», выходящая в Мангейме, публикует письма германских безработных, побывавших во Франции. «Нас превратили в форменных рабов», «нас продали в рабство», — пишут товарищи.

Во время войны пленных в Германии отправляли на работы по осушке болот на каналах «Добровольцев». Фельдфебель выстраивал пленных и спрашивал: «Кто хочет ехать?» Так как обычно в ответ не раздавался ни звука, фельдфебель хмурился, подходя ближе, шел по рядам и тыкал в грудь тем пленным, которые, по его мнению, были подходящими для работы, и проговаривал: «Ты идешь добровольно, ты идешь добровольно, — и так далее, пока — не наберется комплект.

Тот же метод практикуется теперь в отношении безработных. А Франция, давняя любительница дешевой иностранной рабочей силы, вербует этих рабочих, несмотря на грозный рост безработицы среди французского пролетариата.

Но Франция в области применения принудительного труда все исследовала в Либерии. Власти Франции Бюэло утверждает, что при помощи французскими колонизаторами железнодорожной линии в Экваториальной Африке, соединяющей город Браззавиль с берегом моря, смертность среди туземцев достигла цифр в 303 человек на тысячу. А французский буржуазный журналист Адльберт Кинте рассказывает, как на рисовых полях телеги везли вырванные плуги женщин, как на базаре доведена до отчаяния мать продавала своего ребенка в рабство за 15 франков.

В будущем учебнике мифологии значительное место будет уделено мифам о советском деминге и «принудительном труде» в СССР. Эти мифы перекроют, пожалуй, даже знаменитый миф о национализации женщин в Советской России. Современность может быть удовлетворена. У нее, как и у древней истории, будет свой мифология.

Но то, что является мифом для СССР, вовсе не миф для капиталистического мира. Будущий экономист будет утверждать совершенно основательно, что деминг и принудительный труд — понятия, фиксирующие определенные явления в жизни капиталистической Европы и Америки XX века. Военный историк в свою очередь будет утверждать, что «деминг» и «принудительный труд» — термины, означающие методы подготовки интервенции и империалистической войны.

Нет и не может быть принудительного труда в Советском Союзе, в республике трудящихся, где фабрики и заводы, где орудия производства принадлежат самим трудящимся. Работа на себя есть принудительный труд, а именно труд свободный, ибо он обслуживает весь трудовой коллектив человека.

Кинте утверждает, что Эдди в своей недавно вышедшей книге «Взлом брошенный Россией» говорит, что характернейшей чертой труда рабочих СССР, производства СССР, развития СССР — является то, что побудительный мотив конкуренции заменен коллективизмом и сотрудничеством. Эдди совершенно справедливо указывает, что в условиях капиталистического общества лишь кучка предпринимателей заставляют по принуждению и жестоко эксплуатируемые. А в Советском Союзе в темпе производства заинтересован сам рабочий, ибо он сам хозяин, а хозяин по принуждению не работает.

Миф о «принудительном труде» создан после мифа о «деминге» с очень определенной целью. Миф о «деминге» должен был восстановлен против Советского Союза крестьянство, миф о «принудительном труде» — рабочих.

Однако, эффект получился обратный. Миф о «деминге» и миф о «принудительном труде» были разоблачены, и это дало в еще большей степени сплотил трудящихся вокруг СССР, вокруг республики свободного труда.

Свободная, независимая республика. Свой президент — черный. Свои министры — черные. Мы им дали свободу. Мы их освободили от рабства, мы им устроили новую жизнь.

Так говорят американцы, «свободолюбивые» люди, про Либерию, которая официально считается свободной республикой, находящейся под протекторатом Соединённых Штатов Северной Америки.

А тот что говорит один либериец:

— Мы вымираем, как начата была постройкой дороги из Монровии в Какату, мы не получили ни одного цента. Каждый месяц мы поставляли правительство риса. Если мы не доставляли риса, нас штрафовали. Все туземное население не знает, что делать, куда идти, куда идти. Нам казнают, а если мы пытаемся уйти, нас ловят и возвращают. Мы сеем рис, выращиваем его, сушим, но не можем есть, потому что у нас его забирают.

— Мы должны были поставить 200 рабочих, — говорит другой либериец. — За два штрафника. Я продал в рабство двух моих детей, чтобы заплатить штраф. Когда мы посылаем людей на постройку дороги, то с них в случае опоздания берут деньги. Вместо уплаты за работу, они получают удары бичом. Они требуют с нас только рабочих, но и продовольствия. У нас нет времени возделывать поля. Если мы не даем продовольствия, нас избивают бичом, а детей продают в рабство.

— Мы вымираем, — сказал третий. — У меня все отнято окружной комиссией. Они пришли и сказали, что моя земля принадлежит ему. Когда я пожаловался, меня избili и сказали, что если мне здесь не нравится, я могу уйти. Многие убегают, потому что ничего есть.

Эти заявления опубликованы в ответе комиссии Лиги наций, обследовавшей положение в Либерии. Нет необходимости указывать, что комиссия делала все возможное, чтобы смягчить краски. Но даже и в таком виде отчет производит жуткое впечатление.

Вот еще свидетельское показание одного из рабочих.

— Нас привезли из Гибии. Мы работали на хозяина, а он бил нас. наших женщин забрали солдаты и сделали их своими наложницами. Потом они воткнули нам иглы между ног, заставили их раниваться. Потом они воткнули нам иглы между ног, заставили себя раниваться. Нам избивали бичами. Мы должны сами прокармливать себя. Любопытно было бы спросить «свободолюбивых» американцев: это какой же труд свободный, что ли?

Вербовка рабочих производится в Либерии очень просто. Правительство само посылает рабочих — будь то американскому консулу Файерстону, или в португальскую колонию Фернандо Поо, или в французское Конго.

Окружной комиссар собирает вождей племен и делает разверстку. Если вождь не соглашается, приходят солдаты и уводят рабочих силой. Особенно отчаялся бывший главный интеллигент рабочих Либерии — Янги, которого, после того как он прорывался из этого места, сделали... вице-президентом республики.

В 1927 году Янги потребовал у племени Барроо 100 человек для отправки в Фернандо Поо. Он отдал приказ комиссару Скотту собрать этих людей.

Скотт приказал вождям собирать людей. Вожди отказались. В Барроо прибыли солдаты. Когда вождь сказал, что люди разбежались, солдаты забрали всех женщин и стариков... Тогда молодежь вернулась, чтобы освободить родных. И 100 человек были отправлены в Фернандо Поо.

Никто из них больше не вернулся.

Комиссия Лиги наций в своих выводах вынуждена была констатировать, что вербовка рабочих применяется методами террора, обмана и протекции. Применяется и жестокое похищение живого товара.

13 июня 1928 года в Кап Пальме прибыли 145 человек, законtracted для работы на так называемом Золотом берегу. В действительности их посадили на пароход «Сиера Леоне» и отправили в Либерия, во французское Конго. Сельскохозяйственные рабочие кругом во Франции и одежде. Показали рабочие грамотным недоумкам, чтобы покрыть задолженность. Оставить ферму и искать более выгодную работу рабочий не может, если только новый предприниматель не заплатит за него долг, не выкупит его. Таким образом создается фактическое положение рабства, когда по существу один помещик полагает рабочим и одеждой другого помещика.

Джон Педмур в своей книге о неграх в Соединённых Штатах передает любопытный разговор с негром, которого хозяин избил:

— Почему ты не уйдешь?

карл либихнхт с острова кубы

Б. РОЗЕНЦВЕЙГ

Группа германских социал-демократов встречала в Берлине только что освобожденного из тюрьмы Карла Либихнхта. Здесь были и Меринг, и Гаусе, и Барт, и ряд других вождей, из которых один уже успел покрыть себя давно крахливой предательством, а другие могут быть спасены от этой участи только тем, что умерли.

В числе выступавших на этом параде имен был также юноша-работник, у которого длинной отрезком руки выше глаза. Живая жертва капиталистического варварства пришла сюда прямо с демонстрации, разогнанной полицией, и поместилась где-то в углу, на самом незаметном месте.

Его пламенная речь, проникнутая подлинным духом борьбы, так бы и прошла незамеченной, если бы не неожиданное происшествие: когда наступила очередь Либихнхта отвечать, он повернулся спиной ко всем присутствующим и, отбыв глазами молодого рабочего, стал обращаться главным образом к нему.

Это была не только великолепная демонстрация революционного единства двух поколений, но и блестящий показатель стратегического чутья великого революционера-практика, который прежде и раньше всего искал общения с людьми живого дела. И в этой среде таким человеком всегда, таким практиком оказался, конечно, не Гаусе и не Барт, а «малыш», на бледном, худеньком лице которого еще сохранились отблески мельняцкого полнейших сабель.

Может быть, уже тогда дар классового предвидения подсказал Либихнхту, что революционная молодежь выдвинет из своих рядов новых бойцов ему на смену, которые поведут борьбу с той же неукротимой страстностью и смелостью, как и он.

Десять лет спустя, тоже в январе, погиб от пули наемного убийцы, посланного пре-

зидентом Мачадо, 26-летний Хулио Антонио Мелла, организатор компартии и комсомола Кубы и Мексики, «Карл Либихнхт Латинской Америки», как его не случайно прозвали там. Внук генерала Рамоны Меллы, известного своей борьбой с Испанией за независимость Кубы и Сан-Доминго, Хулио Антонио Мелла сумел переключить полученную им в наследство энергию, смелость и организаторский талант в область революционной практики.

Первые шаги деятельности Меллы предельно еще в университете. Уже здесь он ведет горячую революционную пропаганду и, к огромному возмущению всей профессуры, неосознанно основывает рабочий университет. За организацию массовой политической стачки Мелла исключают из юрбютей науки. Тогда он во главе отряда в 400 студентов берет университет приступом, сменяет всю профессуру и сажает на ее место преподавателей из рабочего вуза. «Бура в ставке академической воды!»—скажете вы. Однако вода эта налита в стакан, подлитый за здоровье революции, и сам «Карл Либихнхт Латинской Америки» пьет из этого стакана!

Но подлинная независимость может быть достигнута не организацией студенческих волнений и не захватом профессорских трибун. Мелла организует профсоюз швейников на Кубе, затем революционное объединение профсоюзов, входящих в Профинтери, и, наконец, компартию. Мелла—первый секретарь ЦК компартии Кубы. Его популярность в массах несмыкаемо растет. Правительство начинает бешено его преследовать. Неожиданно его судьбой заинтересовываются финансовые магнаты Уолл-стритта, организовавшие к тому времени простым нажимом кнопки в своих кабинетах кукольный переворот на Кубе. Один из Нью-Йоркских банкиров на банкете открыто заявляет вновь назначенному президенту Мачадо:

— Если бы я был президентом, Мелла не гулял бы на свободе и 48 часов.

Такая фраза, произнесенная в интимной беседе, равновелика приказу. Начинается охота на вожака. Именно в этот момент почему-то взрывается бомба у здания городского театра в Гаване. Единственной жертвой этого взрыва, от которого за версту пахнет провокацией, становится Антонио Мелла. Его арестовывают и, согласно испытанной тактике Носке-Шейдемана, пытаются пристрелить «при попытке к бегству». В 4 часа утра ему предлагают перейти из одной тюрьмы в другую. Мелла вотреще отказывается и объявляет голодовку. 22 дни длится эта героическая схватка с три м. 22 дня испытывает Антонио Мелла терпение своих палачей. Наконец, вспыхивают бурные демонстрации по всей Кубе, и Меллу освобождают из тюрьмы, с тем, чтобы возобновить преследования с новой силой. В течение трех лет Мелла ведет борьбу с посланцами убийцами. Из Гондураса он бежит в Гватемалу, из Гватемалы—в Уругвай, из Уругвая—в Мексику, всюду разбрасывая шепотом руки семена коммунистической агитации, всюду пуская корни революционной пропаганды. В Мексике он избирается членом Центрального комитета компартии, и здесь его настигает пуля убийцы, специально посланного президентом Мачадо.

Убийство Меллы превращается в грандиозный политический скандал. Правительство вынуждено назначить следствие. Обнаруживаются столь ужасающие подробности подготовки к преступлению, что начальник полиции уходит в отставку.

Сейчас память Антонио Меллы жива не только среди рабочей молодежи Латинской Америки. Его неукротимой энергией проникнута вся борьба. Орган мексиканской компартии и профсоюзов так и называется «Мелла». На революционных митингах имя Меллы стоит рядом с именем Либихнхта, как почти рядом стоят даты их героической смерти.

«Волны событий» возмываются до небес, но мы привыкли с вершинами падать в бездну. Наш корабль твердо держит свой путь прямо к цели. И будем ли мы живы в момент ее достижения—все равно, программа наша будет жива. Под этими словами Либихнхта при свете факелов революционной борьбы видна также подпись в Хулио Антонио Мелла.

В румынских
Застенках

матроне идут на принудительные работы

100 ВРАГОВ

3. НОРОВ

На парламентских трибунах жестикулируют почтенные ораторы. Газетные передовицы извергают фонтаны восторга или бьют гейзером книжного негодования. Политические закрючки нацеливаются ножицами на карту мира. На торжественных конференциях звучат «целомудренные» речи о разоружении. Дикторы старательно репетируют наполеоновские позы. Таков пышный вид мозаик-холальной сцены, на которой без изысканной грации подвизаются персонажи капиталистических политических фавосов и трагикомедий.

Но за кулисами — внимательная и властная режиссура.

Господин Бриан, а оны дни востепивший всеобщую стачку, толфу, разавулся, разавулся к министерскому портфолю, наложил запрет на самолично им писанные листовки, которые остроумные стачечники извлекали из архивов, — медотгонный Аристанд Бриан кажется по виду настоящим заправкой политической кухни. Но встретится внимательней, и вы увидите, что он не летит, склывает движениями дирижерской палочки молчаливого престовиства, чья фамилия упоминается преимущественно в биржевых бюллетенях.

Амплуа доверенных лиц буржуазии — развообразны.

Ллойд-Джордж должен изображать «благородного отца». Семидесятилетний шлаггого-го-гогого готов признать реальность пятилетия, посетовать насчет безработицы и капиталистического кризиса, но только затем, чтобы попытаться сблизить массу на новую поддержку капитализма, чтобы с тылу напасть на рабочих. Болдуин — Чемберлен — Черчилль — это трио на ролях трагиков. Это они, становясь в трагическую позу, мучают безобидного Гендерсона в палате общин запросами о кознях СССР в цепи аристократии почтенному министру, что советский полпред коммунизму, а посему может вести разрушительную пропаганду? — скоро вопрошает Болдуин. А неизвестно ли почтенному министру, что в СССР на лесозаготовках работают сплошь заключенные? А не известно ли Черчиллю? — издается Чемберлен. «Почему до сих пор не высланы из Англии советские граждане?» — отзывается львиным рыком Уинстон Черчилль, один из поджигателей мировой войны и главных руководителей интервенции в годы гражданской войны. Министр-вдохитель Дюблисон Коти преимущественно избирается в псевдизданию антисоветских собраний и комитетов. Детальное знакомство с отмычками, обнаруженное сим джентльменом при являете на советское поспраствоз, высоко ценится в такого рода случаях.

А комки?
Комки, призванные умягчать страсти и тепшить взоры почтенных джентльменов, — седолавы Макдональд, ставший социалистом — на реиндустриальных сооружениях Гендерсона — бывший рабочий, прошедевший школу ошестствезности и реиндустриальных кружков, матере профпредстелити Томас и Клианс. О, это комки, стремящиеся иметь очерт серьезный вид, когда они призывают рабочих к жертвам на алтарь буржуазии.

Но кто истинный хозяин этой английской труппы?

Вот — король хитрий Геттерингер. Собственно говоря, он голландец, но, завившись английской нефтью, стал английским дворянином. Сэр Детердинг возмечет намерение породниться таким же образом с Россией. Акции нефтяных компаний приобрести было нетрудно, невесту-княжну тоже, но все расчеты на прочную власть над бакинской нефтью опрокинул Октябрьский вихрь.

Оттого Детердинг мечет гром и молнии по поводу пятилетия. Оттого сэр Детердинг нетерпеливо попускает организаторов интервенции. Акции, не приносящие дивиденда, расплачет его гнев.

На хозяйском кресле восседает и Альфред Мона, возвещавший «мир в промышленности». Он — один из отъявленных врагов Советского

союза. Возглавляемая Монадом химическая промышленность являлась бы главным поставщиком смертоносных материалов для новой войны. Мона ждет этих прибылей. Лорды Бьюрибрук и Роттермир — газетные короли. Некогда они носили более прозаические имена и были просто ловкими газетными бандитами пера. Теперь они держат в руках главные рычаги отравленной пропаганды, они спускают в массу сточные воды лжи и клеветы на СССР.

Такая же картина распределения ролей в любой из национальных политических групп. Во Франции — банкиры Ротшильды, фабрикант Лушер и парфюмерщик Коти командуют летящей клявкой от социал-фашистов Блюма, Бонкура до фашиста Тарале. Германия, Америка — нигде нет отступлений от этих правил. Они могут драться и спорить друг с другом, эти господа, но разве на широкой арене не звучат обманные посулы, раздаваемые клоунами друг другу?

Они величают капиталу все участники труппы служат со всей готовностью и преданностью.

Рокфеллер — патриарх нефтяных банкетов — 91 год. Эта руина алдеет одиноким крупившим богачем в Америке. Папаша Рокфеллера промывала тем, что воровал кур и гусей. Сам Рокфеллер пренебрег такой мелочью. Он занялся воровством нефти. И накарал так много, что когда за ивржение закона в 1462 И раз его присудили к денежному штрафу в 62 млн рублей, то Рокфеллер только пререпрительно махнул рукой. В ответ на это сообщение он, не прерывая игры в гольф, которой был занят, сказал: «Этот дурацкий приговор не будет приведен в исполнение». Конечно, так и оказалось. Детьки Рокфеллера оказались сильнее судебного притора.

Генри Форд считает себя богоделателем рабочих. Он требует, чтобы «его» рабочий ходил в церковь или в синагогу, если он еврей. Он следит за «чистотой» Форда добить того, кто у него на заводе работает даже спяще. В заводских больницах больные работают в постели. Вот, де, истинная «правдивость»! Нечего и говорить, что заводы Форда фабрикует не только тракторы и автомобили. Больше всего его выработали отходы металлов, искалеченных, истощенных людей — живых мертвецов.

Коти производит духи. Он, кроме парфюмерного аромата, Коти стремится распространять во всей Франции удушливые газы антисоветской и антикоммунистической клеветы. Франсуа Коти в прошлом имеет не мало грязных патен. Банкротства, тюрьма, чуть ли не убиство.

Но кого смутят эти скромные биографические подробности?

Вель стал же лордом Бьянш Запаров, некогда славившийся в английской тюрьме за мелкую кражу. Вель склоняется почтительно министры и депутаты перед фашисто-банкиром Гутенбергом, работавшим благодаря самым откровенным мошенничествам за счет мелких сберегателей, доверенных ему своих грошей.

Французский социалист Варени, заливший кровью Индо-Китай в течение своих там генерал-губернатором, не станет интересоваться происхождением богатства. Не станет заглядывать подобным бесподобным вопросом и вольфгангский социал-демократ Отто Вельс, прямо провозглашающий осану диктатуре буржуазии. Краваче Церригелли и Носке, изворотливые Алерды и Бауэры, состоящие на прямом жалованьи у капиталистов Грини, — все они достаточно корыстны, чтобы не доставлять извешивший хлопот не совсем чистоплотным хозяевам.

Они почтительно уступят дорогу в роковой час штурмовой бригаде капитализма — генералам Вейганам, руководившим борьбой пайской Польши против Советов, кравачам Пуанкаре, Гиндлебургам и Секетам, — набишив себе руку на кровопускании.

отчего НЕ КРИЧАТ КАМНИ

Авторизованный перевод с немецкого Б. Болеславской

Африка. В синем сверкании белая полоса земли. Сидуты пальм, минаретов, мечетей.

«Там пустыня».

Африка — пустыня.

Встает старое, темное, засыпанное тысячелетиями...

В шалках, наполненных людьми в красных фесах, приближаются к нам представители силы и правосудия. С важным видом проверяют паспорта, заполняют какие-то графы. Все это происходит на борту.

Шум растет, превращаясь в гул. Портые гостиниц, носильщики, все те, кто грабит иностранцев, нагибаются, осматривают наши вещи, обнюхивают, перекидывают друг друга, киваются. Один из них вырывает из рук другого чемодан. Этот напирает на первого, третий кричит на каком-то странном английском языке, что первые два обманщики, — он один честен и знает, что мне нужно. Что делать? Как попасть на берег, как вырваться из этого заколдованного круга? Ты еще не слышал слова «малеш», но ты уже думаешь о нем («малеш» значит «все равно»).

Наконец, на земле. Пестрая толпа носильщиков, возниц, продавцов воды, сластей. Бастащие кожи всех оттенков — негры, арабы, эфиопы, люди из южного Египта, мексиканцы.

Первое ощущение — богатство красок. В Европе разучились украшать тело пестрыми тканями. Европейский костюм сер и однообразен. Однообразны, как дух Европы, как европейские машины, как угольные комсары.

Люди не ходят, — они выстывают, они несут свое тело точно драгоценную вазу.

Кто этот человек? Шейх, князь, нищий...

Все в пути бегают гачетчики.

Я шел и шел по улицам, много открытых настев лавок, мастерских, кухонь. Если вам что-либо случается, то на виду у всех. Три мальчика сидели перед домом. Один из них держал в руках раковину, наполненную какой-то жидкостью, два других смотрели. Первый погрузил свою ложку в массу и попробовал поднести ее к губам. Но содержимое выскользнуло. Мальчик снова наполнил ложку — с тем же результатом. Но мальчик твердо решил поесть именно с этой ложки. Может быть, притянул ромашку, что будет лакомиться по очереди в случае удачи. Мальчик снова повторил опыт но безуспешно. Я начал считать. Четырнадцать раз. И мальчик не потерпел терпения. И остальные ни разу не сделали недовольного лица, не сказали ни одного слова. Мне показалось, что я почуял дыхание жизни Востока.

Вечерело. Я стоял на ступеньках мечети, куда меня привел один араб. «Господи, взгляни наверх, муэдзин начинает вечернюю молитву». Я посмотрел. Я видел муэдзина на высоком минарете, видел, как он держал руки у рта, видел, как он обращался на восток, запад, север, юг, но ничего не услышал. Внизу, на улице, по которой шли на осидках арабы с отсутствующим взглядом, среди толпы навывоченных верблюдах гремели мотоциклы и автомобили. Голос XX века был слышен голоса алаха. Я взглянул на своего проводника. Он только пожал плечами. «Малеш»...

Муэдзин, понимаешь ли ты, что творится? Заклинаешь ли ты бога, чтобы он защитил вас от настоящего врага, который уже вошел в ваши города, в ваши дома, который сеет сомнение в сердцах тысяч людей и виле которому — душа Европы.

И если ты не слеп, ты должен сознавать: Восток, тот, который мы знаем, будет искрошен зубами техники и цивилизации, ибо это — мечта грядущих поколений. Но сегодня еще живо то, что жилось столетиями.

Чем, в сущности, изменилась жизнь? Те же человеческие отношения, те же методы работы, меняются только имя работника. Как взволновала меня большая дорога в Нильской долине, по которой движутся в Каир караваны. Я увидел эту дорогу из идущего поезда. Библиеские картины, лишь давно прошедших времен. У колоды плывут верблюда, высокие черные девушки несут на головах странной формы вазы, фелдахи возделывают поля примитивными деревянными плугами. Ослы с завязанными глазами проходят круг за кругом, приводя в движение водяную мельницу. Женщины с закрытым лицом, мужчины переиздают из тысячелетия в тысячелетие верхом на осле.

Посмотри на того нищего в зеленой феске (знак, что человек молится в Мекке), — он склоняется под презренной рукой чужестранца, точно избранный алаха. Что дает ему это сознание?

Посмотри на того старика, который держит шелковую ленту. Портной раскладывает на его прилавке корки для молитвы. Он становится на колени. Его лоб лежит на земле. Взгляд устремлен внутрь. И в толпе он одиноко заклинает божественное в своей груди.

Веселы грядные дети. Чаена их стройны и нежны. Они толпами играют на улах. Они часто бегают по улицам, не зная переделки. Что они делают? Они поют какую-то песенку, просто так, от радости, от полноты жизни.

Но ты сторону красочных плоскостей и сидуты царят темные силы классовой мощи общества — эфеиды. На крупных торгивцев работают за низкое вознаграждение мелкие. На помещиков — фелдахи. Человеческие силы страны служат небольшой кучке господ, и эта крепко спящая масса собой кучка вытягивает прибыль из народа и хочет убить те организации, которые его будят, собирают и хотят сделать пригодным к борьбе.

Здесь, как и в остальных странах Востока, растет воля к независимости, к освобождению от империалистического гнета. Англии пытаются обмануть страну, пытаются создать «автономию», но обман не удастся: еще несколько лет, и кровавому владычеству придет конец.

По дороге к пирамидам я пережал много плечами, на которой стоит дворец, где живет «любимый» Англией король Фарад. Я попал как раз к смене караула. Я заметил здесь то же самое, что в Германии. В оккупационных войсках царит победа милитаризма. Но здесь, под этим солнцем, кожда приобретает, еще более смелые черты. Военная музыка. Парадный марш. Резкие слова команды и резкие офицеры.

... Что значит для меня пирамиды? Это окаянная мощь египетских тиранов, окаянная кровь, страдание и угнетение. Я не мог на них смотреть с эстетической точки зрения — мне было больно. Отчего вы не кричите, камни, свидетели стоких страданий на земле. Если бы вы могли говорить! Быть может, вы хотите молчать. Может быть, из-за тех, кого приваждо сюда ваша слава. Из-за тех, кто ищет в этой стране «пирамидную экзотику».

От камней, памятников замученных рабочих тех, я побред по оживленным машинам, где предавали веселый отдых.

Круто поднимаемся узкие улочки. Лавочки открыты. В каждой из них 3, 4, 6 девушек с измароченными кукольными лицами. Они манят рубок, зымяют. Есть греканы, сиринки, французски, еврейки. Арабков мало. В лагуине лавки занавес. За ним грязное помещенье, в котором покупателю продают товар.

Солнце заходит. На восточном небе волшебней желтоватый свет, на западе — фосфоресцирующий голубой.

Муэдзин, всхлинув, возносит вечерний гимн. Из моего окна вижу узкую плодородную долину Нила. Пустыня окружает ее с востока и запада. На западном горизонте стоят пирамиды Гизе, Саккара и Абазар.

Фофалзер

Вавль Заларов

Д. Хекс

Вейган

Чемберзон

Томас

В книге «Кто они такие?» собрано сто политических портретов: хозяев и приказчиков. Здесь можно различить все амлагу, все роли. Но всех участников этого затнувшегося политического трагифарса объединяет одно: воля к независимости СССР, к мировому пролетариату.

Сто портретов деятелей капитализма, в изысканых сюртюках и поповских рясках; с громкими титулами и «рабочим» происхождением — это сто хищных ескалов, временами чересчур откровенных, временами маскируемых пашицистскими гримасами.

¹ Назв. «Крестьянская газета», сборник под ред. Карденева.

ПОД ДУЛАМИ ВИНТОВОК

Заметки и рисунок свидетеля капиталистического рабства тов. Чен Пан-нунга

Вот Тринидад, по-испански—остров Святой Троицы, по-английски—Жемчужина Карабес—английская колония на берегу Венесуэлы (Южная Америка). Я там жил. Тропическая жара действует одинаково на всех. Но какао и кокосовые плантации, богатая растительность—все это собственность лишь кучки крупных землевладельцев.

Население здесь смешанное: испанцы, французы, англичане, много индейцев и негров. Туземцы были истреблены первыми завоевателями острова—испанцами—безжалостными разбойниками и эксплуататорами. Для того, чтобы восполнить недостаток в рабском труде, вторые завоеватели—французы—ввезли сюда огромную массу негров из Африки—источника дешевого человеческого мяса.

Третьи завоеватели острова—англичане—привезли с собой индусов и китайцев. Эта пестрая коллекция людей, почти дебилизированная, теперь проживает в условиях великобританской «свободы», по священному закону которой «все люди—братья».

Весь остров в руках нескольких крупных землевладельцев, ростовщиков и купцов—денежной аристократии, располагающей жизнью и имуществом своих лаксеев—людищи, юристы, докторов, конторщиков, а также мелких землевладельцев, платящих ей высокие проценты за ссуды.

Эксплуататоры больше всего издеваются над неграми—рабочими колонии. Некультурные и неорганизован-

ные, обитающие в сараях, негры буквально за гроши трудятся для своих господ.

Меж тем последние построили на северных песчаных берегах пролива свои великолепные виллы, окруженные пальмами и цветами. В проливе качаются красивые моторные лодки. Здесь отдыхают к концу недели «дешовые люди».

А какой отдых для рабочих? Ну да, у нас есть «Дом для нищих». У других островов и этого нет. О, у нас есть этот «Дом», где видятся парусиновая одежда и существует тюремный режим.

Негры-рабочие никогда не зарабатывают достаточно, чтобы они могли уплатить взнос в кассу взаимопомощи, и без государственной помощи в тяжелые времена они нищенствуют.

Что делать? Просить милостыню? Воровать? Из-за самого маленького проступка их арестовывают, заключают в тюрьмы. Но «ингере» не должны быть без дела. Для них всегда существует работа. Под дулами винтовок, в цепях они работают на дорогах, ломают камни, очищают лес для «государства»... Пыль, пот, страх наказания, нищета... Я их рисую, как я их помню. Рабы империализма!

Долой сволочей-капиталистов!

Чен Пан-нунг

Ударная бригада советских и иностранных рабочих на Австроюгославии

Иностранцы специалисты требуют расправы с кредитными интервентами

Ударная бригада американских рабочих на Австроюгославии

Иностранные рабочие в СССР

Американский рабочий Грауден назначен пом. прораба на Австроюгославии

Автозавод

Члены американской с.-х. коммуны им. Рутенберга на Украине

„Интернационализм является основной идеей, пронизывающей работу комсомола. В этом его сила. В этом его мощь. Нужно, чтобы дух интернационализма витал всегда над комсомолом“.

Сталин

№ 1. 1951 **СВЕТ** 15

Д. МАНЕВИЧ

ПИКЕТНАЯ ЛИНИЯ*

На перекрестке двух нью-йоркских улиц сгрудилась толпа прохожих. Вид у всех стремительный, но люди не могут двинуться, пока все эти ревущие и свистящие автомобили, — а их сотни, тысячи, — не будут остановлены властной рукой подполсмена.

Вихрем несется автомобиль. И каждый несет с собой смерть.

Значит — надо ждать.

Толпа возрастает с каждой минутой. Шей у всех вытянуты, туловища — с наклоном вперед: бегут стоя. Каменная мостовая горит под ногами, — ждать некогда.

Один из прохожих, худой и высокий, с испуганными глазами, в которых застыл страх за завтрашний день, вдруг раздается с места: ему надо было быть на работе ни на секунду позже сигнала — иначе он лишится должности, которая досталась с таким трудом. Улучив, как ему казалось, удобный момент, высокий человек опрометью бросился меж автомобилей. Через мгновение он лежал уже под толстыми шинами колес...

— О... ах... О... ах!

* Отрывок из книги «Массы в борьбе».

Автомобили-чудовища остановили свой бег. Тревожные гудки ревели:

— Как он помер? Как он отвалился?

В том автомобиле, что раздавил человека, сидела элегантная дама. Глазела через автомобильное окошко на суматоху, приставив к глазам лорнет. Она оставалась невозмутимо спокойна все время, пока несчастного вытаскивали из-под колес.

Льшь мокрое красное пятно осталось на том месте. И кипучая жизнь понеслась обычным путем, как вчера и третьего дня, — как всегда...

... Тянется длинная цепь мужчин, женщин, подростков. Исху-далые, измученные, измученные люди.

Они шагают мерным, твердым шагом, плечо к плечу.

Это — рабочие и работницы нью-йоркских швейных потогонных фабрик.

— Куда идут?

— В Медисон-Сквер-Гарден. На митинг.

Демонстрация безработных в Нью-Йорке

— Среди рабочего дня?

Бастуем.

Увлеченный потоком, шагаю и я в ногу.

Несет ли меня поток, или его стремительность—во мне? Еще с московских площадей, с украинских огненных дог всталась во мне эта стремительность.

Мы выдвигаемся в огромный Медисон-Сквер-Гарден.

Это современная вавилонская башня. Взором не охватить десятки тысяч мест. Еще заметными четырехугольными точками выйдут клеточки-сиденья по широкому оттоглым галереям.

В одно мгновение оживают эти едва заметные точки—места. И шумит и колоколет весь Медисон-Сквер-Гарден. Все двадцать две тысячи мест заняты.

И у каждого из двадцати двух тысяч бьется горячее рабочее сердце.

Что привело сюда этих людей?

— Право на жизнь. Желание жить!

— ...Повышение заработной платы, сокращение рабочего дня— что это означает?

— Это означает: больше времени для восстановления сил, больше возможностей для развития ума и способностей.

— ... Мы нашу борьбу не прекратим, пока не победим!..

Двадцать две тысячи пар рук рукоплещут.

Громовые рукоплескания заставляют дрожать гигантские своды Медисон-Сквер-Гарден.

Чудится мне, что я снова в Москве, снова в СССР. Все, что огромно, величественно и грандиозно—это Москва, это СССР.

Кто-то тронул меня за плечо... А, это мой сосед-рабочий. С сияющим лицом он говорит:

— Ну, каково? А завтра у фабрик будет еще веселее! Прикетировать будем! Пойдете? Так я зайду за вами. В семь часов утра пойдем в собор, Ладно?

— Ладно.

С первыми лучами солнца я поднимаюсь с постели.

Мы направились к подземной железной дороге (собор).

Вагоны были переполнены рабочим людом: кто—на работу с узелком харчей подмышкой, а кто, как мы,—на никетную линию у швейных фабрик, где объявлена забастовка.

Электрический поезд мчится с невероятной быстротой. Через двадцать минут мы уже в центре швейных фабрик («Гармент-Сентр»).

Бросается в глаза огромное количество «синих мундиров»—блюстителей «закона и порядка». Они густо расставлены вдоль тротуаров, у входов фабрик, на всех перекрестках. В руках на петельке бокаются у них кортикальные толстые дубинки («алюбы»).

Второе, что обращает на себя внимание прохожих, это—полицейские закрытые грузовики-автомобили с надписью «Полис-департамент».

— Сюда вот будут сегодня нас сажать...—говорит мне угрюмо сосед.—Стоять уже наготове...

Ровно в пять часов стаи стекаются отряды забастовщиков.

Полисмены выстраиваются. Толстые дубинки в их руках покачиваются маятниками. Они готовы к исполнению «сужающего долга».

Мы двигаемся густой цепью вдоль тротуара по направлению к 7-му авеню (проспект). Здесь уже шумно. Полисменов еще больше.

Толкуют что полиция рассяда большое скопление забастовщиков, сообщают нам втяхомоду.—Была жаркая схватка... влетело и полицию.

Это видать по полицейским: возбужденные, потные, глаза смотрят зверски; клобы уже не висят на петельках,—полицейские держат их за рукоятку, наготове...

У подвального помещения скопилось огромная толпа.

Там за закрытыми дверями содержится группа арестованных забастовщиков—до возвращения грузовика-автомобила.

Мы замедляем шаг.

— Го а гед! Го а гед!—грубо кричат нам подисмени. Но это не помогает. Толпа растет, насадет на закрытые двери с намерением высвободить товарищей.

Вмиг налетают конные подисмени, врезаются в массу, делят досаженими лошадиными задками, топчут копытами.

Раздается крик, визг женщин, ругательства:

Конница действует направо и налево.

Толпа оттеснена.

Подкатил закрытый автомобиль—длинная черная кибитка.

Полицейские выстроились в два ряда, образуя узкий проход от закрытых дверей подвального помещения к открытым сзади дверям патрульного автомобиля. Двери подвала раскрылись и оттуда поодиночке стали появляться арестованные с синяками под глазами, с кровавыми пятнами на лице. Попытавшись, они гуськом двинулись по узкому проходу, словно строй полицейских.

...Казалось, что всех уже вывели и законопатили в патрульный автомобиле. Но почему-то автомобиль не трогается, дверцы его еще настезе открыты—чего-то ждут...

Прошло долгих две-три минуты.

Снова раскрылись двери подвального помещения, и взору представлялась жуткая картина: трое здоровых полицейских тащили втянутого плашмя рабочего-забастовщика: двое держали его за руки и за ноги, а третий поддерживал его неподвижное туловище, прикрывая одновременно широкой ладонью окровавленное лицо.

Масса загудела, заволновалась.

— Разбойники! Мерзавцы! Человека убили! Изверги! Б-бу!

— Бу-бу! Бу-бу!—кричала вся улица сотнями возмущенных голосов.

Избитого до потери сознания забастовщика полицейские бросили, как кудь, во внутрь грузовика. Захлопнули дверцы и патрульный автомобиль укатил под крики «бу-бу».

Полицейские ведут избитого рабочего-награ

Жертва полицейских дубинок

Вперед, вперед (Жол, провалява).

Забастовщики

Три тысячи рабочих типографии Дайдо в течение трех месяцев (с января по март 1956 года) борются против японской буржуазии и полиции. Их классическим преследователем. Многих сажают в тюрьму. Забастовочный фронт расширяется. Полиция заставляет руководителей забастовки, пытается их убивать. Но масса упорно продолжает борьбу. В конце ноября года срывает забастовку. Страны сдвигаются, но наладить свою поднимает знамя революционной борьбы и новых боев. «Забастовщики» — это браться на равных японской пролетарской писателя Н. Токунэга, «Улице без солнца».

Н. ТОКУНАГА

О существовании этой комнаты знали только самые верные люди. Она находилась в первом этаже рестораника «Канарейка». Вывеска закрывала ее окно от улицы, по которой непрерывно мчались трамваи.

Остода с черного хода ресторана по узкой лестнице можно было сразу выйти на кладбище.

Комната была величиной в четыре квадратных метра и никаких украшений, кроме похвоенных картин, нарисованных масляными красками, не имела. У нее было особое назначение — здесь гейши принимали посетителей.

Но сидящие в комнате люди мало походили на обыкновенных гостей этой рестораника. Они всегда входили со стороны кладбища и осторожно оглаживались, не следя ни за кем.

Они ведь знали, что в Токио полиция не дремлет. С самого начала забастовки типографии Дайдо никто из забастовщиков ни разу не видел руководителей профсоюзного совета — Иатцуо, Накаи и Ватамуа.

А между тем они жили здесь уже больше месяца. Накаи и Ватамуа сидели за маленьким столиком и неуклюже чертили карту Японии.

— Как ты думаешь, кто будет во главе нового кабинета? — неожиданно спросил Иатцуо.

— Трудно предугадать, — ответил Ватамуа.

Ему было лет тридцать. Худой, с глубокими складками на лбу, он казался старше своих лет. Все его движения говорили о колоссальной энергии. Он носил японское платье с узкими рукавами.

В эту минуту постучали в дверь — три раза, условный знак.

— Войдите, — сказал Иатцуо.

В комнату вошел Хашимура¹.

Все трое повернулись в его сторону.

— Новые вести?

— Да, очень важные.

Он протянул им записку, написанную карандашом:

«19 вечером администрация типографии Дайдо собирает узвести учеников на автомобиле вместе с переплетными машинами.»

— Кто тебе дал эту записку? — спокойно спросил Ватамуа.

— Милый, он передал ее час назад товарищу Такае Харуки из женотдела.

Главарь забастовки задумался. 19 вечером, т.е. сегодня вечером. Значит, нельзя терять времени.

Совещание продолжалось не больше пяти минут. Накаи быстро набросал на бумажке план действий.

Для наблюдения предлагалось послать ученика Хизашита, на него можно положиться. Томи-Иан и Ки-Оэ отправятся с автомобилями. Необходимо соблюдать большую осторожность, — сказал Иатцуо.

— А вот что послано было акционером типографии Дайдо, — сказал Хашимура, внимая другу записку из кармана.

Ватамуа стал медленно читать.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Забастовка в типографии Дайдо ясно показывает, как дерзко акционерное общество хочет эксплуатировать рабочих. Поэтому мы, родители и братья учеников, выражаем наши симпатии 2500 бастующим и стоим за то, чтобы во время забастовки наши сыновья и братья бросили работу.

Представители родителей и братьев учеников

— Ого! Интересная штука, — сказал Ватамуа.

Затрещал телефон.

Иатцуо подошел к аппарату и взял трубку.

— Говорит Хизашита... — сказал он товарищам. — Он уже на своем посту...

По улице небрежно шатался мальчишка в широких желтых матросских брюках. Это был Хизашита, которого час назад послали для наблюдения.

Надвигались сумерки. Один за другим зажигались уличные фонари. Никто не обращал внимания на мальчугана. Проезжали с шумом трамваи, мчались автомобили, пролетали велосипедисты, быстрыми шагами шли прохожие.

Хизашита внимательно оглаживался направо и налево, затем шел к красной телефонной будке...

Лицо и руки он не успел вымыть, но его рожница с тупым носом была удивительно симпатичной.

Мимо прошла маленькая гейша со своим спутником, мальчишка оттолкнул ее и бросился в сторону. Он заметил три автомобиля.

— Они!

Хизашита спрятался в тени, чтобы его не освещали витрины магазинов.

Автомобили приближались — два из них частные, закрытые, третий — хорошо знакомый ему грузовик типографии Дайдо.

Все три автомобиля с бешеной быстротой промчались мимо мальчугана.

— Они на грузовике, — чуть не закричал Хизашита, ясно увидев лица товарищей.

— Две тыщи девяносто один, — прошептал он номер автомобиля, взяв клочок бумаги и записал на нем «2091».

Автомобили поехали прямо, потом налево, потом исчезли в темноте.

— Куда это они потащили моих товарищей? — размыслил Хизашита.

Он вошел в телефонную будку и вызвал к телефону Иатцуо.

— 2091, да. Кроме того, два частных автомобиля повернули от Хаксуана на восток. Что? Конечно, я узнал товарищей. Они сидели на грузовике.

Он повесил трубку и вышел. Поручение было исполнено. Хизашита, насматывая, исчез за углом.

Значительно труднее была задача других участников этого дела. Между предместиями Итабаки и Сугамо, там, где уже кончался ряд домов, стояли два неосвещенных автомобиля. Казалось, они ждут пассажиров.

В первом автомобиле сидели три человека.

Они напряженно ждали. У машины сидел человек в очках и без шляпы. Он высунул голову и спросил одного из сидящих в автомобиле:

— Куровиа, ты не ошибся? В семь часов?

Куровиа покачал головой.

— Нет, не ошибся. Я не только слышал, но и видел на бумажке. Если за это время что-нибудь произошло, нас известят.

Подобил шofer с другого автомобиля.

— Товарищи, когда дело будет сделано, надо дать знак гудком.

Шofer тоже был забастовщик из транспортного отделения типографии Дайдо. Человек в очках приложил ухо к земле и сказал:

— Давайте еще раз обсудим, как нам все это продумать.

С другого автомобиля пришло еще пятеро.

— Послушайте, если на грузовике окажется очень много учеников, мы не сможем их разместить в наших автомобилях.

— Брунда... ведь ненадолго. По-моему, их не больше пятнадцати.

Человек в очках на все имел ответ. Повидному, он был старше всех.

— Они хотят переплести книги, напечатанные в издательстве Иамато-Кодан, чтобы выпустить их к 2091 году. Но им это не удастся. Дурак.

Куровиа засмеялся. Забастовщики не могли допустить, чтобы делалась какая бы то ни было работа. Борьба шла на жизнь или смерть. Всякая пределька означала затяжку борьбы. Похищение учеников имело большое значение для бастующих. Необходимо вырвать мальчуганов из лап предпринимателя.

— Вынимайте! — крикнул один из загворщиков, поставленный в качестве часового. — Едут.

По пустынной улице мчались три автомобиля.

Вожак сидевших в первом автомобиле был человек в очках, во втором — высокий человек в фуражке.

— 2091. Все в порядке.

Они проглотили автомобили вперед, затем круто повернули и помчались за № 2091.

Вскоре исчезли из виду дома предместия Итабаки. Фонари автомобилей прорезывали тьму.

— Прекрасно! — со смехом крикнул Куровиа своим спутникам, поблевываям от волнения. — Все идет прекрасно.

Пять автомобилей, как бешеные, мчались друг за другом.

— Кажется, там заметили, что мы гонимся за ними, — сказал человек в очках, сидевший рядом с шoferом.

Грузовик ехал по железнодорожному рельсам. Это была неожиданность. По полученным забастовщиками сведениям он должен был повернуть направо от рельсов.

— Они хотят нас нагнать, мерзавцы.

Автомобили дстали уже по просеочной дороге между затопленными рисовыми полями.

Прошло пять минут, семь минут.

¹ Типографский рабочий, один из активных деятелей забастовки.

Эжен Потье (1816 — 1877) — активный участник и бригаадный боец Парижской коммуны, автор текста песни «Ворон расстреливают тут» — такие напались на баррикадах и стенах приказывала делать генерал Галифе, князь восставших парижских пролетариев.
Э. Потье расширяет смысл надписи и называет истинных преступников — различных представителей буржуазного класса.

**«Ворон
расстреливают тут»**
Песня ЭЖЕНА ПОТЬЕ

Смерей суда! На баррикаде,
Где кровь восставших до сих пор,
И где не просит о пощаде,
Читают грозный приговор.
С лицом от страха повертывали
Наивных бабкою протрут
Слова, написанные мелом:
«Ворон расстреливают тут».

Час справедливости открытой!
Начка не выпустит руки,
Надевно заверты «бандиты»
И нет отмычки для замка.
Расстрел? Амнистия? Там нити
Судебной подлости плетут.
Еще мы нам отчет дадите,
«Ворон расстреливают тут».

Бонапартисты почестнее,
Уверен я, в конце концов
Станули б вам веревкой шеею,
Но только — с помощью щипцов.
Ведь вы не хотите духами!
Ты шулер, ты менаж-лут!
Второе декабря! за вами!
«Ворон расстреливают тут».

Но не уйти вам из авсады,
И спускают полая в молелью!
Мы им платили в дни осады
По франку за одно яйцо.
И вот они-то неврели!
Их ремесло — душить, яна спрут,
И бить нас франком и садетаном.
«Ворон расстреливают тут».

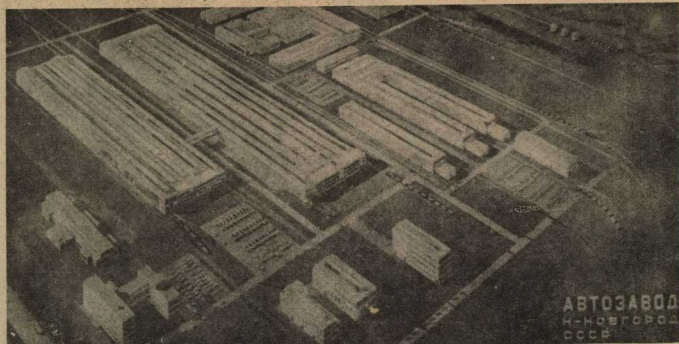
О, банда — подлость в каждом рыле! —
Все — спенуляции твои.
Вы солнце в ацки пустили,
На воздух продали паю.
Вы взяли жизнь за горло — шир же
За нас горой и с вами суд.
Герон кошельна и бирни!
«Ворон расстреливают тут».

Но нет! Народ не глух, и гадов
Прочует он, дружи на страх —
Двонднать выпустит зарядо
За нищих в равных башмаках —
За тех, что голодом, и снова,
Чтоб намерит своих, возмрут
С зряваля хлеб пятафутный...
«Ворон расстреливают тут».

— Куда они едут? Завернули за угол...—закричал человек в очках.—Догоните.
— Догоним! Догоним!—высывая голову рычал Курюна.
— А теперь, пожалуй, придется пустить в ход мой револьвер,—сказал человек с голым черепом, сидевший в первой автомбиде.
Автомбили мчались, как ветер, подпрыгивали на камнях и поворотках. Расстояние между забастовщиками и враждебными автомбидами все уменьшалось—20 метров, 16, 10...
— Дети, мы близко, мы здесь!
Шесть метров, два метра...
— Стоп!
Человек с голым черепом соскочил с первого автомбиля и с револьвером в руках бросился вперед. В ту же минуту он почувствовал такой сильный удар по руке, что она повисла, как плеть. Неприятельские автомбили остановились.
— Мерзавцы...
Курюна вскочил на грузовик и обхватил человека с резиновой дубинкой. Грузовик завяз в болоте. Четверо вооруженных дубин-

ками и книжками соскочили с автомбилей типографии и бросились на забастовщиков.
— Осторожнее, будьте как можно осторожнее,—командовал человек в очках.
— Скорее, скорее слезайте,—кричал испуганным ученикам человек с голым черепом.
Забастовщикам пришлось туго. Враги были вооружены, засверкали ножи. Тогда подошли на помощь ученики и осыпали врагов камнями.
— Довольно!—закричал человек в очках.—По местам!
В темное ночи раздался гудок автомбиля. Забастовщики стали успешно усаживать учеников в свои автомбили. Моторы загудели, машины пришли в движение.
Неожиданно грянул гукаий выстрел, потом кто-то громко вскрикнул. Человек в очках, обливаясь кровью, свалился в один из движущихся автомбилей. При свете фонаря видно было, как рассеивается дым от выстрела...
Два автомбиля с быстрой молнии исчезли в темноте ночи...

америка будет В НИЖНЕМ

Это оказалось совершенно необычайным зрелищем. Со всего строительства собрались смотреть на него рабочие, русские и иностранные инженеры, руководители Автострой.

На сцену вышел огромный камень из Нью-Йорка, товарищ Грауден. В руках он держал небольшую кельму¹. Оглянувшись, присмотревшись, сказал что-то весьма внятное и решительное. Нистам русским кивком по адресу разошедшегося дождя, взглянул на часы и, нагнавшись, быстро заработал.

Американская техника давала урок русскому строителю. Грауден показывал образцы кирпичной кладки, образцы темпов и качества работ.

Дождь лил и мешал работать. Наделали с распасами окружающие. И все же подсобные рабочие сбивали с ног, не успевая поднести кирпич.

В этот день Грауден уложил 2300 кирпичей!!! Советские инженеры и бороздчи-строители конфузливо перелазывали. Ведь до этого дня на Автострое никто не укладывал более 350 кирпичей!

Граудену выдали премию и поставили прорабом по строительству хлебозавода социалистического города. И дали для обучения молодежную бригаду из цитовцев.

Огромный американец, владеющий русским языком и быстро освоивший «матерый лексикон», день за днем тормошил бригаду, безжалостно крыл малоспособных и лодырей «в три господа бога» и заставлял... переселяться в Америку.

Сперва это было трудно. Ну, как не покурить во время работы, как не урвать 10—15 минут на 8-часового дня для того, чтобы посмотреть сегодняшнюю «комсомолку»! И потом, нельзя же кирпич класть по плану. Это ведь не строчки газетного корреспондента и не счетная книга строительного управления.

— Не курить! Не читать, когда не следует! Действовать по плану! Рационализировать каждое движение, каждый шаг! — неустойно твердил Грауден.

И поселенно незлобивым, суровый инструктор стал лучшим другом цитовцев. Сейчас бригадинки укладывают, несмотря на зимние условия, по 600—700—1000 кирпичей в день.

Грауден обещает:
— Весной моя бригада сумеет в четыре дня выстроить четырехэтажный дом. Каждый ученик уложит не менее 1300 кирпичей!

Генеральный секретарь Ленинского комсомола Саша Косарев налег на трибуну, вставшая по ней кулаком и повисла голою:

— Комитет! Преобразуйте ваши кабинеты, уничтожьте на стенах циркуляры, вырезки, снабдите вашу обстановку картами экономической географии, научными пособиями, научными книгами... Сегодня секретари, и не только секретари, — все руководство должно

¹ Кельма — лопата для кирпичной кладки.

В. ШАПИРО

вооружиться рудой, сталью, железом, электричеством, нефтью, машиной техникой. Вот что нам нужно.

Деятый съезд дружными аплодисментами принял к сведению и руководству эти формулировки своего секретаря.

Ибо тысячу раз прав был Косарев, заявляя, что повернувшись, в основном, лицом к социалистическому строительству, комсомол еще здорово — и очень здорово! — отстает в технике.

Хорошей иллюстрацией к косаревскому докладу мог послужить хотя бы инжгородский Автострой.

На строительстве завода укладываются десятки миллионов рублей. Мы платим вунштальную сумму одной из лучших и известнейших американских строительных фирм — Остин Компани — за техническую консультацию по строительным работам. Несколько десятков высококвалифицированных американских и немецких рабочих долгие месяцы работают на Автострое.

Сделано даже больше: главный представитель фирмы получил административные права, — он назначен пом. начальника строительного управления по технической части.

И что же?

24 января руководитель стройки тов. Царевский вынужден был издать приказ:

Есть случаи, когда не выполняются распоряжения представителей Остин К°. Считаю это явление абсолютно недопустимым. Учитывая, что фирма Остин К° приглашена правительством для руководства строительством автозавода, нашей задачей должна состоять в широком использовании имеющегося у них многолетнего опыта в деле применения высокой американской техники.

Старший инспектор Наркомтруда тов. Семин, побывавший на стройке, констатирует:

Иностранная техника на Автострое используется безобразно плохо. Механизмы загружены мало. Опыт американцев не учитывается и не используется. Со стороны видных работников строительства мне приходилось выслушивать недружелюбные, пренебрежительные отзывы о значении освоения передовой строительной техники.

Инженер Остин К°, мистер Баррет, на вечеру русских и иностранных специалистов заявил:

Мы призваны сюда для того, чтобы технически консультировать строительство автомобильного завода. Однако, без помощи и желания русских рабочих нашу технику сюда не перетащить. В то же время многие русские рабочие не хотят использовать указаний иностранных специалистов, а иногда даже действуют вопреки им.

Нужно же к этому еще что-нибудь добавлять? Впрочем, добавить можно: производительность труда американских рабочих Автостроя никому не известна; интернациональное бюро занимается решительно всем, чем угодно, кроме передачи советским строителям опыта иностранных товарищей;

проведенный месячник «иностранный техник» не принес никаких ошутительных результатов, так как своевременно не был взят курс на массу и бюро ИТС ориентировалось на устройство «академических» докладов для инженеров;

для передачи опыта недопустимо плохо используются советские специалисты, побывавшие в Америке и владеющие английским языком.

Наступление идет! Ударные бригады показывают невиданные образцы трудового героизма и эффективности работы.

И все это при чрезвычайно незначительном использовании иностранного опыта. Стало быть, мы вправе утверждать, что если бы Автострой и все его рабочие были в максимальной степени технически вооружены, то у нас пошли бы «такие темпы, о которых сейчас мы не смеем и мечтать» (Сталин).

Конечно, автомобильный завод строится быстро и неплохо. Конечно, здесь опрокинуты все прежнее лопатки о сезоне и работа идет круглый год. Конечно, техника обуславливает пуск завода.

Но... строить можно быстрее и лучше. Зимой можно строить не хуже, чем летом. Техника должна быть вооружена не единицы, а массы.

А никогда деда доходит до смешного: отдел техники безопасности в один прекрасный день развесил какие-то таинственные плакаты в американском поселке.

Таинственные даже для владеющих английским языком!

Приводим точный перевод этих плакатов на русский язык:

1. «Избегайте русских рабочих в случае опасности».

2. «Нет риска и никакой цели».

Поняли? Сомнительно, признать!

В действительности надо было написать так:

1. «Предупредите русских рабочих в случае опасности» и

2. «Не рискуй зря!»

В чем дело? Оказалось, что перевод составляли безграмотные переводчики и что он никем не корректировался. Об американских рабочих позабыли.

Не свидетельствует ли этот «незначительный» факт о том, как на Автострое «привлекают» иностранных рабочих к общественной и производственной работе?

Не менее двух третей строителей Автозавода—молодежь. Комсомольцев—2.500 человек.

И комитет, проводящий большую и серьезную работу, не раз вызывал на бюро руководителей отдельных участков строительства, ставил вопросы о кадрах и проч. Но почему этот самый комитет не обсудил работу бригады молодых каменщиков, идущих вперед всех, и не вызвал на бюро Граудина? Почему ценнейший факт освоения иностранного опыта кладки кирпича не стал достоянием всего комсомола?

— Секретарь комитета—хороший, боевой парень, по заслугам избранный IX съездом ВЛКСМ в кандидаты ЦК. Но почему в его кабинете не висят диаграммы о производительности труда русских и американских рабочих, почему он не прочел и не проработал ни одной книжки о последних опытах кирпичной и бетонной кладки, почему он, как и другие члены бюро комитета, не побывал ни разу на интереснейших лекциях виднейших специалистов, приезжавших на Автострой?

Несколько вспоминаешь Щедрина, цитированного тов. Сталиным на конференции работников промышленности.

«Помпадура поучает молодого помпадура:

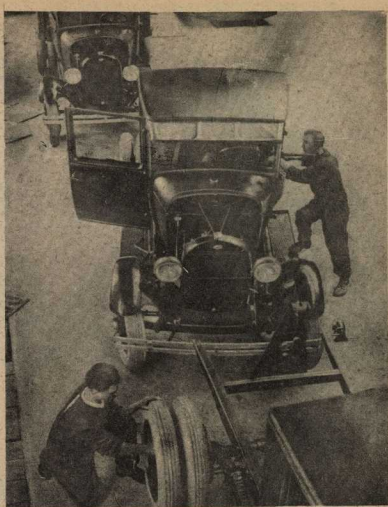
«Не лмай голову над наукой, не видай в дело, пусть другие занимаются этим, не твое это дело,—твое дело руководить, подписывать бумаги».

Так учил помпадура. А большевиков Сталин учит:

Большевики должны владеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все.

Так почему же, спрашивается, комсомольцы Автозавода до сих пор в большинстве случаев предпочитают отделяться от техники галантным шаршариванием перед ней?

Почему?

Машины, сошедшие с конвейера перед выпуском из цеха

Сейчас—после решений съезда и директивы вождя—2.500 комсомольцев вступают в длительный поход по изучению иностранной техники.

Он разбивается на три этапа.

Первый этап (февраль—март): подготовка к оборудованию завода (детальное ознакомление будущих рабочих завода с технологическими процессами, назначением цехов, их взаимодействием и т. д.; проведение серии бесед-докладов о заводах Форда).

Второй этап (апрель—июнь): монтаж оборудования, подготовка к пуску завода (изучение станков, машин и их назначения).

Третий этап (июль—август): период пуска цехов (учеба на новом оборудовании, обобщение опыта, освоение технологических процессов).

Этот грандиозный поход охватит более 10.000 человек—он даст комсомольцам возможность овладеть высотами техники. И помимо с изучением техники автомобильного производства будет собираться, суммироваться, слепаться не менее сложный и не менее важный опыт строительного дела.

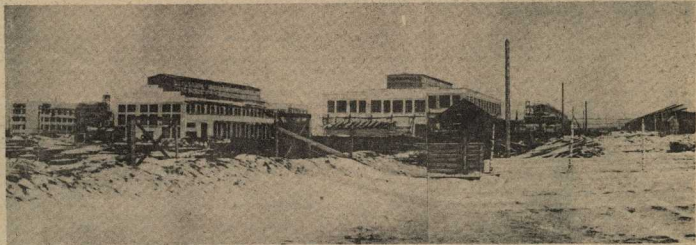
До сих пор Нижний не спешил в... Америку. Теперь молодые большевики Автозавода дали слово переселить Америку в Нижний.

«А слово большевика—серьезное слово»,—говорил Сталин руководителям социалистической промышленности.

Это надо хорошо запомнить.

Февраль 1951 г.

Общий вид строительства

СМОУНАВТ "Страна Советов"

Я. АЛКСИНС

Зам. нач. военно-воздушных сил РККА

кому доверить руль самолета

IX съезд 3-миллионного Ленинского комсомола постановил принять шефство над военными воздушными силами Рабоче-Крестьянской Красной армии и выдвинул лозунг «Комсомолец на самолете».

Этим своим историческим постановлением комсомольский съезд подчеркнул, что одной из самых важных задач в укреплении обороноспособности нашего Советского союза является повышение боевой мощи воздушного флота. Главнейшим звеном в этом деле является подготовка надежных пролетарских высококвалифицированных кадров технического и, особенно, летного состава.

Одна из серьезных трудностей в разрешении проблемы кадров для воздушного флота заключается в том, что особенности летной работы предъявляют к людям особенно высокие требования по части их физического здоровья: на 100% здоровое сердце, безукоризненный слух и зрение, хорошо развитый глазомер вдаль и в глубину, способность хорошо различать цвета, крепкая нервная система, высокие моральные качества: спокойствие, хладнокровие, смелость, отвага, способность быстро принимать решение и без всяких колебаний проводить его в жизнь и т. д. В полете все измеряется секундами, утери каких-либо 2—3 секунд иногда влечет гибель дорого стоящей материальной части и даже всего экипажа. Чем сложнее обстановка, тем меньше у летчика времени для принятия того или иного решения.

Понятно, что все эти физические качества должны являться необходимым дополнением к высоким социальным и политическим качествам: в воздушный флот нужно посылать лучшую, преданнейшую часть рабочей молодежи, крепких молодых большевиков.

Успешное разрешение этой задачи обеспечивается отбором кандидатов, их предварительной подготовкой к поступлению в школы, а равно и самой подготовкой в школах.

Комсомольские организации, добейтесь высокого качества отбора и действительной предварительной подготовки кандидатов. Всеморно содействуйте летным и техническим школам в организации воспитательной и учебной работы. Комсомольцы, поступившие в авиашколы, должны выйти оттуда квалифициро-

На аэродроме в Махач-Нево

ванными, преданными рабочему делу летчиками, в совершенстве владеющими сложной техникой полета.

Практически, по нашему мнению, нужно действовать следующим образом: областные и местные организации ВЛКСМ надо прикрепить к определенным школам и частям воздушного флота. После каждого очередного набора в школы и выпуска из школ ранее поступивших проводить всеохватный смотр проделанной работы по отбору и подготовке кандидатов.

Вторая задача шефства—всемерная материальная помощь воздушному флоту в целях количественного и качественного улучшения его техники. Комсомол вместе с Осоавиахимом должны обеспечить материальную возможность проведения в жизнь лозунга IX съезда ВЛКСМ: «Комсомолец, на самолет. Ведь для осуществления этого лозунга необходимы в большом количестве учебные самолеты и, прежде всего, учебные моторы

(будет мотор—будет и самолет). Надо взять под общественный повседневный контроль производство учебных самолетов и моторов, обеспечить их запасными частями со стороны нашей авиационной промышленности. Надо приложить все усилия, чтобы создать отдельный завод для обслуживания малоомощной (учебной и спортивной) авиации. Изыскание средств, строительство, оборудование, подготовка рабочих и пуск этого мощного завода малоомощной авиации—вот дело комсомола, которое он должен провернуть подлинным большевистским темпом.

Наконец, третьей важнейшей задачей комсомольского шефства мы считаем активное участие комсомольских масс в широком распространении сведений о воздушном флоте среди трудящихся города и деревни.

Мы, воздушники, со своей стороны обещаем комсомолу всемерную поддержку во всех начинаниях по укреплению боевой мощи военных воздушных сил.

Социал-демократы приветствуют убийц

Десятилетие восстания в Средней Германии

«После подавления восстания в последнюю ночь занятия операционной базы восставших, завода Лейна,— я высказывал от своего имени и от имени г-на министра внутренних дел—вам и всем полицейским служащим глубочайшую благодарность и признательность. Эти быстрые успехи мы обязаны как предпринимательству и энергичному руководству, так и самоотверженности полицейских отрядов, которые, несмотря на большую физическую усталость, с неустанным воодушевлением нападали на восставших и уничтожали их».

Геринг
Магдебург, 30 марта 1921 г.

ФРИЦ ГЛОБИГ

Так приветствовала после мартовского восстания 1921 г. социал-фашист и руководитель «Союза республиканского флага» Геринг зеленые и белые банды, наводившие «порядок» в Галле и Мансфельде. Сотни революционных борцов были расстреляны, забиты до смерти в тюрьмах; их преследовали и подстреливали, как диких зверей. Реакционные офицеры и полицейские свирепствовали во-всю. В чрезвычайных судах социал-демократические предстали правительству, партийные и профсоюзные вожди вместе с реакционными буржуазными присяжными выносили draconические категоричные приговоры: пожизненные, на 15, на 12 лет. За распространение листовок рабочей молодежи, юности и девушек, отправляли в категоричные тюрьмы. Члены «союза рабочих самаритян», оказавшие раненым первую помощь, присуждались к тюремному заключению. Гедвига Крюгер, член городской думы города Галле, присуждена была к 6 годам тюремного заключения и 10 годам лишения прав за организацию помощи раненым. За время мартовского выступления и по обвинению в участии в этом восстании в тюрьму брошено было 3262 рабочих. Героические борцы-революционеры были присуждены в общей сложности к 2000 годам категоричной тюрьмы. А «социалист» Геринг пожимал руку монархистам, полицейским офицерам, командировавшим Эбертом и Зеверингом для подавления средне-германского восстания, ладцам рабочих, руководителям тупых банд, и выказал им свою «глубочайшую признательность».

Каково было значение мартовского восстания? По признанию самого Зеверинга (см. официальною докладную записку «Беспорядки в марте 1921 года и прусская полиция»), нужно было «взрывать нарыв в Мансфельдской области прежде, чем он зарыл распространиться дальше». Прусское министерство внутренних дел с участием прусского шлика Вейсмана в течение целого ряда недель проводило усильные приготовления к борьбе с средне-германским пролетариатом.

Дело происходило еще во время первого революционного кризиса германского пролетариата. Несмотря на жестокие кровопускания во время берлинских боев, в декабре 1918 и январе 1919 года, во время боев в Гамбурге, Бремене, Брауншвейге, Рурской области, Лейпциге, Мюнихе, Штутгарте в том же 1919 году—реакция все-таки не удалось сломить революционную энергию и боеспособность пролетариата. В Средней Германии, особенно в Мансфельдом горно-промышленном округе, в районах добычи бурого угля, в отравленной дыре—на химическом заводе Лейна, в Пистерце и Биттерфельде комитарты завоевывали все более сильное влияние и собирали вокруг своих боевых лозунгов широкие слои пролетариата. Штабсфельдцы и магнаты тяжелой индустрии организовали банды сыщиков и бело-гвардейских авантюристов для борьбы с рабочими. Они организовали на предприятиях слежку за рабочими и подвергали их обыску при уходе с работы. Предприниматели боялись новых революционных стачек и массовых боев, железной расправы, и обратились за помощью к правительству, руководимому социал-демократами. Помощь охотно им оказывалась.

15 марта 1921 года Геринг начал вооруженную интервенцию в Среднюю Германию лживым возмездием, в котором, между прочим, говорится:

«За последнее время наблюдаются дикие стачки, разбои и грабежи вооруженных банд, террор, порча имущества, шантаж и нанесение увечий. Дикие стачки используются как средство оказания помощи. Они защищают и скрывают всевозможных преступников... Организуется демонстрация без предельной силы вооруженных банд под руководством отдельных безответственных агентов добываются путем шантажа от предпринимателей согласия на выплату зарплат за то время, когда работа не производилась...»

«В интересах рабочих сельского хозяйства, промышленности, торговли и ремесленников я приказал командировать в ближайшие дни значительные полицейские силы во многие города и посёлки промышленной области».

«Полиция будет бороться с немалой суровостью как против самих преступников, так и против тех, кто поощряет их в выполнении ее долга, выступая против нее открыто, письменно или устно подстрекая к насильственным действиям».

Решение о посылке этой карательной экспедиции Геринга-Зеверинга было принято на совместном совещании представителей с.-д., независимой с.-д. партии и реформистских профсоюзов. Зеверинг преднамеренно посыл в Среднюю Германию сначала незначительные полицейские силы, чтобы спровоцировать пролетариат на вооруженную борьбу и тем беспощадно потопить потом в крови революционное движение. Руководителем этой «экспедиции, подлическою майору Флаоте, дали без лишнего разговора список адресов видных коммунистических деятелей и функционеров и приказали захватить все Галле-Мерзбургский и Мансфельдский район, «очистить» его с помощью полицейских сил и в случае беспорядков—подать им первое и последнее дыхание. Все эти приказания были в точности исполнены, и Зеверинг с полным правом мог впоследствии гордиться своими «подвигами» во время мартовского восстания и доказывать буржуазии свою «исключительность».

Германский пролетариат не дал реакционерам избивать себя, как стало бессловесных скотов. Он повел борьбу—и правильно поступил. Пролетариат никогда не должен без борьбы уступать реакции свои позиции. Но приходится признать, что во время мартовского восстания комитарты совершили ряд серьезных ошибок. Величайшая из этих ошибок заключалась в том, что они, не зная точно свои силы и положение, позволяли Зеверингу и Герингу спровоцировать себя на вооруженное восстание. Она не сумела привлечь к этой борьбе путем выставления соответственных лозунгов пролетарские массы всей Германии. Важнее же всего то, что она не сумела применить в связи с средне-германским восстанием оружие политической всеобщей стачки. Борьба в основном органичилась Средней Германией; боевые выступления происходили, кроме Средней Германии, только в Гамбурге и в Эссене, да еще революционный пролетариат Лейпцига принимал широкое участие в борьбе рабочих Лейна.

Несоразмерным результатом кровавого поражения в Средней Германии явилась сильная депрессия в рядах трудящегося населения. Мансфельдские промышленники произвели усильную «чистку» на своих предприятиях. После того как ряды революционного авангарда были оголены белым террором, дело его стал продолжать голод. Рабочим пришлось возвращаться на медные рудники за грошевую зарплату—и работать в ужасающих условиях по 12 часов в сутки.

Но комитарты вынесла ценный урок из мартовского восстания и ранее понесенных его поражений. Она научилась применять большевистские методы агитации и пропаганды для завоевания большинства пролетариата и руководства им в последующих боях. Во время последних выборов в рейкстаг комитарты удалось заручиться в Галле-Мерзбурге руководящее место и остановить наступление фашистов. Лучшее всего о политической зрелости и боеспособности средне-германского пролетариата свидетельствует мансфельдская стачка, происшедшая в июне—июле 1939 г. 13.000 горняков и металлургов Мансфельдского района бастовали в течение целых восьми недель. Под руководством революционной профсоюзной организации на широкую кампанию солидарности, организованную Мескрабопом и оппозиционными кооперативами, в процессе этой борьбы удалось поднестить политическому влиянию комитарты нозы слои трудящихся города и деревни и власти интэр-буржеской бюрократии и социал-демократической партии и Веттерманского объединения профсоюзов новых чувствительный удар.

Расплата еще вперед! Мансфельдский пролетариат и рабочие Лейна не забыли ни преступлений бело-гвардейских лалачей в марте 1921 года, ни ответственности, которую несет за эти преступления социал-демократия. Мансфельдский пролетариат и рабочие химических отравленных юр Лейна, Пистерца и Биттерфельда будут идти в авангарде и в предстоящих революционных массовых боях германского пролетариата, направленных к извержению буржуазного общества и созданию Советской Германии.

смена

открывайте
новое издание
художников
товарищи
художники
присылайте
свои рисунки.
лучшие из них
будут
напечатаны.

СВЯЗЬ

М. КАСВИНОВ

На пленном костре войны выковывались новые формы братства и связи.

Наша гражданская война — это интернациональная война. Вражеские полчища мы прокидывали в моря под дулами Интернационала. Вопли бойгородцев неслись по всему миру, ударяя по чувствам так называемых патриотов всех наций.

Большевистская Красная армия состоит из китайцев, латышей и калмыков. Это не русская армия, а интернациональная. Иноземцы освобуждают наши святилища.

«Вот «штата» знаменитого, хотя и бедного генерала».

«Большевизм — интернационален, и поэтому его надо раздвинуть, как ладью. Люди без отчества — значит без чести, люди без своей национальной семьи, без традиций — значит без уважения на востоке. Поднимаем, русский витез, на борьбу с Интернационалом» (генерал Лукомский).

На протяжении четырнадцатилетней борьбы за социализм вынужденные вздынуть в социальное сознание с врагом, мы в каждой дипломатической ноте слышали один и тот же заветный вопль:

— Мы бисмис вашего Интернационала. Мы ненавидим вашу международную связь. Откажитесь от Коминтерна и ИФА — и мы кладем вам голову на ваш расчлененный живот.

Значит правьна наша работа и верен ее ход, если враг так ее ненавидит. Значит старый призыв Маркса «протаргит, если он действует во всей своей силе» — если он продолжает претерпевать колоссальные надсмотрщиков, белых генералов и американских Фишера, гиющих с головы.

Это очень простая история.

Изо за чужих морей и через чужие границышло письмо Ли-Яна. Коверт пришел в Берлин с тяжелыми таможенными штемпелями, с невесомыми запахами восточных морей. Его раздали и в туслом закутке нерогафиров раздали горячие мясы:

«Друзья наши, молодые немецкие ленивцы.

«Привет вам от китайских молодых людей, которые помыслили и стремления — с вами. Ваши комитет восхваляет той жаждой борьбы и места, которая заставляет наших красноармейцев с такой яростью держаться на Янцзы. Но чем же тут восхвалять, друзья, разве вы не видите, что наше время — это время гаяк и развела, вы не читаете историю из красной России, что находите слово похваля и да нас? Героизм русских братьев, воздвигших свои станы, питает и наш героизм, друзья».

Мы не станем указывать точно, Ли-Ян, откуда пришло это письмо, чем бы занят сейчас и каковом твоем звание. Это, может быть, сейчас не в наших интересах. Мы только сообщим читателю, что ты сидишь в одной из беретовых застен на берегу Янцзы с винтовкой, где жасад не спускаешь глаза с той точки, где может появиться вражья мишень. Много страсти и силы у комсомольцев Китая, далеко летают пули коммунистических отрядов, яростно трубит шанхайские галесты от руки Москвы. Но что значит мифическая «рука Москвы» по сравнению с настоящей рукой Ли-Яна? Глядите, смотрите, враги, куда простер свою руку Ли-Ян. Глядите, черняльские провокаторы из «Чайна Уэкиль», пытались сидят на сторожевом посту в Среднем Китае, а его руку пожимают в одном из комсомольских комитетов в Берлине.

«Мы пожимаем друг другу руку, друзья», — пишет комсомолец Ли-Ян, — а такой светлой надежде и уверенности, что перед ней не может устоять самый большой враг. Не думайте, что окруженные колым, придушены Чан Кайши, мы тераем пову. Мы знаем

многое знаем для того, чтобы наша вера в коммунизм еще более крепла. Годов поляна не только молодежи в нашей провинции. Он знает на перспективу унц молодых пролетариев и в наших странах. Богачи создали такой кризис в мире, что весь мир превращается в подобие нашей провинции. Где же надежды врагов, что наше дело погибнет? Смотрите на доблесть, друзья, с такой же винтовкой! Как бы мне хотелось так пожить и поучиться, хотя бы в таком месте, как описывают газеты Сталинградский завод...»

Ты создаешь только нашей уверенностью такого высокого напряжения не устоит никакой враг, — значит, ты будешь на нашей стройке, независимо от того, будет ли она на территории Союза или на территории Китая — это то, что она будет. Но подержим пока с той любовью, Ли-Ян. Из измерения не нашим силам, которые создаст молодой интернационализм? Где прегрета дом величайшим революционным потским зерен ни, которые создаются только нашей международной связью? Колец границам. Пала перод Интернационала география. Янцзы — Берлин — Сталинград. Интернационала молодости, винтовки и трактора. Ли-Ян угрожает мировой революцией, везас хаднаково — будет в сердце Кремля, над в коммунистическом отряде Среднего Китая, или у конвейера на волжском заводе. Его связь со Сталинградом, рабочими кварталами Берлина и другим центрами рабочей активности делает его всемогущим и страшным. И Ли-Ян знает цену этому интернационализму.

Х.Р. СМОРНОВ

Поникне! Поникне! Поникне!
Туда, где полюбаемн
Забойник, и в сырости рыней —
Мотыги, и в вале! Чтой выигер
Буде в мышцы тугие обтянут,
Он норчится, хмур и забит.
Но сиоро из погрба гранут
Протесты — и мир задронит!
На воздух! И в вале! Чтой выигер
Буде в мышцы тугие обтянут,
Он норчится, хмур и забит.
Но сиоро из погрба гранут
Протесты — и мир задронит!

Туда, где все силы истратив
На черной, на наторный труд,
Удари нас из помощь, нан братьев,
Удари нас из помощь, нан братьев,
Здесь бледная лампочка даже
Звезтит умытой звездой.
Лучи ее радостной прайней
Оденут зловещий забой,
Зловещий, где сумраи надвинен
И вемаят в вале! Чтой выигер
Буде в мышцы тугие обтянут,
Он норчится, хмур и забит.
Но сиоро из погрба гранут
Протесты — и мир задронит!

Туда, где вена наслопи
Породы горючей пласты —
Они протянулись на мли
Коврами слепой черноты.
Их низнь постепенно сдвигали
И там, в глубины, витрнц
Огн непокорные силы,
Огн безрасудство таят.
Сойди и и решительным взмахом
Развей, раздроб и разрушь
Равство охваченных страхом
Завтракнанный душ.

И в гори, раскленный борьюю,
Громче, в глубины, витрнц
Увидишь тогда — огневую
Струю пробита насвюз,
Свершения реи огнеструйных,
Нипенем востаная шум,
И выкрики прегитиве буйных,
Свободная брызнет она!
Она зашумит, точно зная,
Связь пепел неверья, свюз дым —
Огнями, огнями, огнями,
Доидем искровым!

С Болгарского АЛ. ГАТОВ

«Не забывайте о нас, дорогие друзья, раскажите о наших идеях нашим рабочим, пусть знают. Заря победы всходит только при поддержке общей взаимосвязи. Мы на полях своих битв стараемся отгнать врага от друга. Когда на Севере марширует Чан Кайши, когда в Китае китайцы дрались под асуюгом выигноте из Манчжурии этих русских, мы поняли как молодые рабочие и крестьяне, что не русских надо выигнать, а этих хункузов, которыми руководит гянгач Чан Кайши. И вот настала пора поимать много такое, чего мы до сих пор не понимали и что делает нас теперь всемогущими. Это наш интернационализм».

Добавим к Ли-Яну:

«Это слово — интернационализм — будет нашим союзником во всех наших «русских» победах, если разразится война, подобно дальневосточной. Это слово будет нам открывать туд у поляков, оно создаст скрутут пули Руанкаре, оно будет раздвигать чужие корпуса и батальоны».

Самыми героическими жертвами белого террора были комсомольцы, т.е. молодые интернационалисты: за «помощь русским» были повешены Гибнер и Вуковский, были замучены Макс Гольдберг и бедабегдан в Шанхай. Чан-Сиан, был в Марокко гильотинирован Сарва-Абулда, была отправлена в Дофане Хая Лишви. Их убийи за то, что они «заехали своей стране полюбь чужие государства», — их чужие власти заставили отказываться от защиты Советского союза во всепринятие, что он — «чужое государство. О, слепота отупевших надзирателей! Разве они еще не убеждены, что навеки погубили старое понятие о систем и чужом государстве в пожарище классовой борьбы? Разве они еще не догадались, что их мерный шаг по гулякам тюремным коридорам — это напрасная трата времени, и что никого они уже не устеругу? Чтой интернационализм, ломче рещети, стены, блокаду, он проходит через пустыни, океаны, прерии! Не из чувства злобства, а просто для учета фактов мы приведем выдержку из статьи в газете «Матэн», озаглавленной «Наша работа».

«Наша работа и странную работу делают интернационализм в колониях. Большевики понимаю, что, подточив колонию, они подточат могущество всей европейской цивилизации. Этот успех в интернациональной работе и представлял возможность большевикам рассчитывать на продолжение тех сроков их власти, которые становятся все более короткими...»

Иосиф Виссарионович Сталин на XVI съезде говорил об интернациональном значении нашей огромной строительной работы, и этой части сталинского доклада западная пресса уделила львиную долю своих ругательств и причитаний. «Тан» писал тогда:

«Эта речь показывает, что большевикам продолжает оставаться лютящим врагом цивилизация».

Итак, имем крепко твою руку вместе с бердинскими ребятами, дадзек Ли-Ян. Искренний враг штабных прав и удушающих комсомольцев, ответил тебе подробно и темпераментно, — их горячие приветы идут и от нашего сердца, мы такие же враги цивилизации, как и ты.

Генерал Лукомский, вам представляется, как вы заявляете, отравительной встрече в бою с китайцами и латышами. Поверьте, генерал, что комсомольцы Советского Союза будут протыкать пули в ваше плечо, малайцев и индусцев — эту порабощенную, призраемую вам, как назво, треть человечества. Будьте уверены, мы постараемся надать и с этим самую крепкую, самую боевую и нерушимую связь.

Знайте: интернациональная работа, которую проделываем мы, комсомольцы всех цветов кожи, такого, что, когда вас начнет трасти, генерал, с вашими попенчаниями, то это будет одобрительная и последняя гриска вель. Паши-метрифаки.

Сотни молодых читателей собрались на вечер слушать доклад редакции

В киоске продавались «Смена» и другие молодежные журналы

Выездная редакция «Смены» и «Ячейки»

На каждом стуле лежал свежий номер «Смены»

Стенгазета - молния, выпущенная выездной редакцией и концу вечера

ВЕЧЕР **СМЕНЫ**
В ЕГОРЬЕВСКЕ
молодые текстильщики
создали ударные бригады
по распространению
юношеских
журналов

КОМСОМОЛЬСКАЯ смекалка

под редакцией С. Глазёр

По чьим заветам

Мы вступили в третий, решающий год пятилетки. В строй вступают новые гиганты социалистической стройки. Никаких сомнений в том, что пятилетка будет выполнена в четыре года, не может быть. Больше того, по основным, ведущим отраслям тяжелой индустрии пятилетка будет выполнена в три года. Каждый день с фронта социалистической стройки поступают сводки о новых достижениях.

Это — у нас.
А на Западе? В капиталистических странах — кризис растет. В Германии на каждых двух работающих — третий безработный. Революционное движение ширится. Ряды коммунистических партий крепнут и пополняются новыми сотнями и тысячами лучших пролетариев.

Буржуазия алжородно готовится к войне.
В ответ на подготовку к интервенции, на вредительство мы развертываем социалистическое строительство по заветам...

Посмотрите на этот рисунок и попытайтесь найти портрет того, по чьим заветам мы ведем борьбу и под чьим знаменем мы победим. Решение пришла в редакции.

Под знаменем КИМа

— Ребята! Есть новая игра, — воскликнула Маруся Шинова, придя в клуб.

— Какая? Что за игра? — стали ее расспрашивать.
— Вот зайду в библиотеку, обменяю книги, а потом скажу.

Когда Маруся вышла из библиотеки, ее сразу обступили.
— Какая игра? Расскажи!
— Игра называется «Под знаменем КИМа». Участвовать в ней могут 30—40 человек. Она развивает память и умение логически мыслить. Садитесь в круг.

Не прошло и минуты, как в комнате отдыха все студия были расставлены и образовался кружок. Тут Маруся стала объяснять игру.

— Допустим, мы взяли сегодня тему о рабстве в капиталистических странах. Что должны делать комсомольцы у нас, в СССР,

какую роль играет КИМ в борьбе против рабства? В общем, я говорю о теме, которая разбиралась на последнем собрании кружка текущей политики. Знаете?

— Знаем! — ответили ребята.

— Ну, так вот! Я начну каким-либо словом, которое поможет развернуть эту тему. Мой сосед справа должен будет повторить мое слово и прибавить свое. То же сделает и следующий, повторю то, что сказал я и сосед, и прибавив затем и свое слово.

Слова должны идти в определенной логической последовательности и не искажать темы.

В этой игре требуется очень большое внимание. Собираться нельзя. Если собьешься, выйдешь из игры, но продолжайешь сидеть на месте. Когда да тебя опять доходит очередь, твой сосед говорит — СЛАБИ! — и продолжает начатую фразу в том порядке, как она развивалась по ходу игры.

Сперва каждому будет легко. Но чем дальше, тем труднее. После второго, третьего круга очень немногие смогут похвалиться тем, что они будут говорить, не сбиваясь и не искажая темы.

За искажение темы взимается такой же штраф, как и за то, что собьешься — выбываешь из игры.

Победителем считается тот, кто ни разу не сбивается.

— Повали?

— Конечно! Подумаешь, тоже игра! Ни за что не сбивается. Тоже искусство!

— Но не прощай и двух кругов, как те, кто громче всех похвалялись своими способностями, имея удовольствие слышать про себя: Слаби! Слаби! Слаби!.

Да, нужно было вперед попробовать, а потом уже бахвалиться!

Герб рабовладельцев

По официальным сведениям буржуазной статистики, в колониях капиталистических стран насчитывается свыше 6 млн. рабов. Эти цифры значительно преувеличены. Однако, фашистские и социал-соглашательские министры и политики ведут бешеную агитацию против нас, выдумывая сказки о «принудительном труде» в СССР.

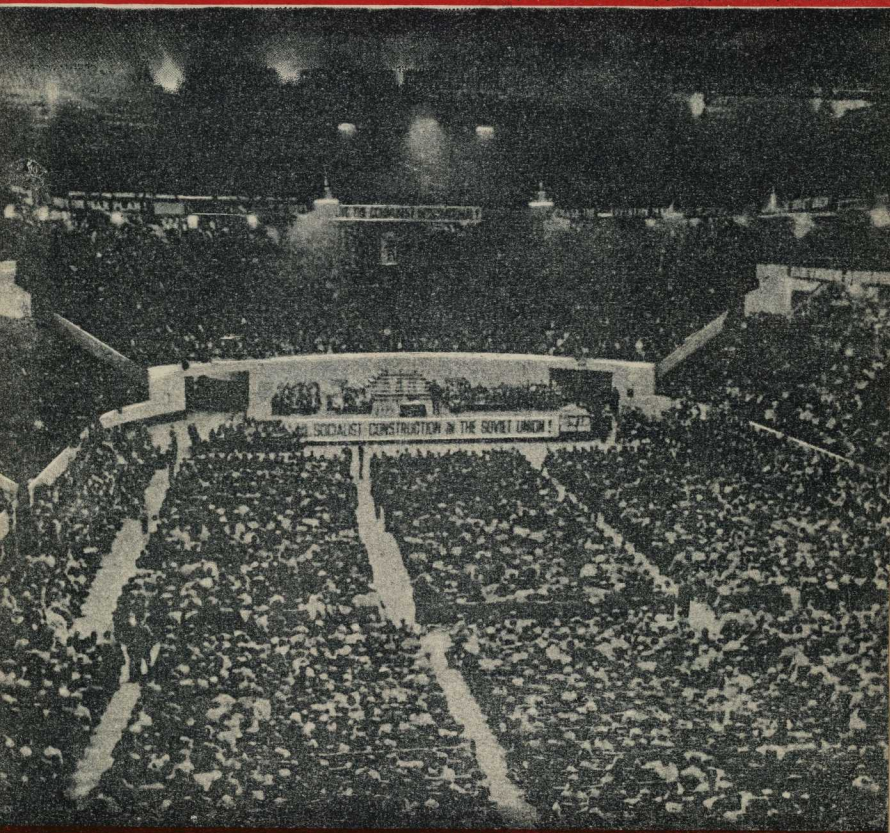
В то же время под их покровительством в Либерии совершенно открыто существуют рынки рабов. На этих рынках закупается рабочая сила для каучуковых плантаций автомобильных королей.

На этом рисунке изображен невольничий рынок в Либерии. Для того, чтобы узнать, кто покрывает торговлю рабами, расшифруйте герб покровительством этой страны. От каждого изображенного на гербе предмета берите только первую букву.

...Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас, мог сказать: вот он, мой передовой отряд, вот она, моя рабочая власть, вот оно, мое отечество,—они делают свое дело, наше дело—хорошо,—поддержим их против капиталистов и раздуем дело мировой революции.

На речи И. В. Сталина на митинге рабочих промышленности

На снимке двадцати двухтысячный митинг нью-йоркских рабочих, посвященный пятилетию дням и борьбе с безработицей. Развешанные лозунги гласят:

„Да здравствует пятилетка“
„Долой интервенцию против Советского союза“
„Да здравствует компартия“ и др.

голодный поход нью-йоркских безработных

20 января безработные Нью-Йорка организовали „голодный поход“
Демонстрация была рассеяна полицией. Много демонстрантов ранено и арестовано.